

АТЕКАЛИП КИДХАЛТЕ

МЕРАНО

ИЗБРАНА
И ПОДМАСИ

- [Мерано издали и близи](#)
 -
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 -
-

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

Мерано издали и близи

Книга повествует о матче на первенство мира по шахматам 1981 года. О том, что сопутствовало ему, и тех качествах, которые позволили, советскому гроссмейстеру Анатолию Карпову в третий раз завоевать шахматную корону.

Александр Васильевич Кикнадзе

Документальное повествование

Издательство «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» Москва 1983

Матч на звание чемпиона мира, выигранный Анатолием Карповым в Багио в трудной (разве будет преувеличением сказать — драматической?) борьбе, привлек к шахматам внимание и тех слоев населения, которые относились к ним как к приятному времяпрепровождению — не более. До начала поединка услышал из уст поэта Н. примерно следующее:

— Ты что, действительно собрался на другой конец света, чтобы посмотреть, как двигают эти деревяшки? — В голосе собеседника угадывалась снисходительность, а во взгляде — сострадание.

Месяца через три, однако, когда события в Багио приняли непредсказуемый характер, когда сравнялся счет и все стало зависеть вдруг от одной-единственной партии, Н. умоляюще спросил:

— Скажи, у Карпова есть хоть какие-то надежды? Не хочу даже думать, что будет, если проиграет. — Мой товарищ крикнул, словно вспомнив первый наш разговор, и, как бы оправдываясь, произнес: — Сын, понимаешь, с шахматной доской не расстанется. Да и жена...

— Полно вам всем переживать, «какие-то деревяшки»... Между прочим, я тоже не желаю даже думать, что будет, если проиграет. Давай верить в лучшее.

— Условимся, если первым узнаю результат, я позвоню, а если ты — звони в любое время.

Услышав о том, что тридцать вторая партия отложена с большим преимуществом у Карпова, он поднимает меня среди ночи и, пробормотав торопливое извинение, начинает предлагать свои варианты — как следует довести партию до победы. Диктуя несусветные продолжения, он просит меня комментировать чуть не каждый его ход. Зная, сколь ранима поэтическая душа, стараюсь делать это по возможности тактично. В трубке слышны его легкие пререкания с женой.

Она: «Догадываешься, который час? Дай человеку поспать».

Он: «А он все равно не спит, тоже смотрит партию».

Она: «Откуда ты это взял?»

Он: «Если бы мне кто-нибудь сказал, что он спит в такой час, я бы выбросился со своего одиннадцатого этажа».

Надо ли возбуждать воображение, чтобы догадаться, как забрали и моего товарища шахматы в те дни? Забрали, чтобы уже не отпустить.

И я несколько не удивился, встретив однажды своего товарища в шахматном клубе. Привыкнув к тому, что в наше время любое вступление требует соответствующих отношений, заявлений, справок и ходатайств, он интересовался, какими документами надо обзавестись для того, чтобы стать членом клуба. Беседа с приветливым администратором открывала перед ним еще одну — гуманную, демократическую сторону шахмат. Сегодня у поэта Н. уже третий разряд. И одна только вещь смущает его:

— Никак не научу себя спокойно относиться к поражениям. Даже три выигранные партии не дают мне столько положительных эмоций, сколько одна проигранная — отрицательных. Переживаю, плохо сплю. Жена, кажется, догадывается, хотя я и не охочу извещать о неудачах мир.

— Так, говоришь, сколько человек узнаёт о каждой твоей плохой партии?

— Не считал... Двадцать, может, двадцать пять.

— Теперь поставь себя на место Карпова. И подсчитай, сколько миллионов (не на миллиарды ли счет?) узнаёт в тот же или на следующий день не только об его выигрышах, но и проигрышах тоже. Если бы он не научился приглушать силой воли отрицательные эмоции, многого достиг бы?

— Жизнь впитывалась в него маленькими капельками яда... через шахматы, когда он был еще молодым, быть может, поэтому...

Это вовсе неплохо, когда жизнь впитывается в молодого человека маленькими капельками яда — тогда большая не ведет прямым в реанимацию. Шахматные проигрыши — одни из самых благодатных, за них, как сказал мудрец, «надо платить в юности большие деньги». Они учат тому, как выходить из трудного положения, выходить с честью, не теряя лица, они учат искать причины невезений не в других, в себе! Учат избавляться от неумейства и отрицательных качеств, видеть цель, идти к ней. Убежден, что и жизненные цели успешнее достигают умеющие играть в шахматы.

У Анатолия Карпова на одну проигранную партию приходится шесть-семь выигранных. Но это счет не всей шахматной карьеры, а карьеры, начавшейся после того, как к нему пришли известность и титулы. Молодому, вступающему в шахматы человеку полезно бы знать, что на пути к признанию счет бывает прямо противоположный.

Потерпев поражение, не опускайте носа, не вещайте о нем всем встречным-поперечным. Каждое из них несет в себе частицу будущих побед, тут счет верный. Бойтесь поражений, не можете преодолеть в себе неуверенность — уходите из шахмат и из спорта вообще. Попробуйте свои силы, например, в драматических самодеятельных кружках. Там все просто: вы будете знать, в какую минуту надо выйти на сцену, куда стать, на кого посмотреть, что произнести, и даже ваш злейший враг по пьесе не сделает ничего для того, чтобы унижить вас, артиста, наоборот, и он, и вся труппа подчинят свои усилия одному — дать вам сыграть хорошо. Если же вам даст хорошо сыграть партнер по шахматам... можно только представить, что скажет ему тренер. Вот почему еще с очень большой натяжкой можно отнести шахматы к искусству.

Самого Анатолия Карпова матч в Багио — его выигрыши и его проигрыши — наделил мудростью, примеры того наделения мы увидим через три года в Мерано.

А скольких филиппинский поединок просвещал, скольким помогал понять радость, таинственно заключенную в шестьдесят четыре клетки!

* * *

Лет десять назад Нона Гаприндашвили, чемпионка мира, сказала:

— Дайте нам небольшой срок, и мы догоним их.

«Их» — это значило мужчин. Заявление казалось

сверхсмелым, и лишь из уважения к чемпионке мира его опубликовали без комментариев, хотя в сказанное верилось с трудом. Многие убеждены, что этого не произойдет никогда по ряду причин. О первой в шутку сказал Пауль Керес:

— Женщине очень трудно молчать пять часов подряд.

Однако Нона показала на своем собственном примере, как дальновиден и точен был ее прогноз, завоевав звание гроссмейстера... в международном мужском турнире. Длинная вереница мужчин — не только мастеров, но и гроссмейстеров, «пострадавших через Нону», была принята в клуб ее имени. Гаприндашвили возвысила женские шахматы, породила и в Грузии, и далеко за ее пределами бесчисленное множество последовательниц.

Перед вылетом в Мерано была командировка в Тбилиси, на матч между Майей Чибурданидзе и Наной Александрия. Обстановка взаимной приязни и уважения, переполненный зал Дворца шахмат и девиз «Мы одна семья» под эмблемой ФИДЕ на сцене...

Есть во дворце большая фотография: тренер Вахтанг Карселадзе положил руки на плечи своих учениц Ноны Гаприндашвили и Наны Александрия. То был тренер необыкновенный, презиравший житейскую суету, заботу о личном благополучии, в глазах иных обывателей он выглядел человеком, не сумевшим «устроить жизнь». У него был свой яркий и необычный мир — шахматного кружка Тбилисского Дворца пионеров, у него было свое счастье — видеть, как

раскрываются маленькие характеры, как мудреют девочки, получают свой взгляд на шахматы, не всегда согласующийся со взглядом тренера (кого-то это бы огорчало, Карселадзе же только радовало), и, хотя он не был человеком с высокоразвитым честолюбием, радовался до небес, стараясь не выдавать этой радости, любой победе своей воспитанницы в городском ли, республиканском, или всесоюзном турнире. Рано ушел из жизни Вахтанг Карселадзе, но добрые имена, как и добрые дела, живут на земле долго: сперва в первом, а потом и во втором поколении грузинских шахматисток повторился и воскрес необыкновенный учитель. И если допустимо подразумевать под быстро сменяющимся шахматным поколением «волну», то мы можем, не сделав никакой ошибки, написать, что пример Ноны Гаприндашвили породил Нану Александрия и что уже по их стопам шли и Нино Гуриели, и Нана Иоселиани, и Майя Чибурданидзе.

Любопытную магнитофонную запись дал мне прослушать журналист Нодар Гиоргобиани, много лет верно служащий спорту. Его беседа с тогдашней чемпионкой мира Ноной Гаприндашвили состоялась в 1972 году... Нодар сохранил пленку для того, чтобы с годами проверить, насколько сбудется один прогноз.

Нодар спросил: «Кого вы считаете наиболее вероятными претендентками на будущие матчи с вами?»

Среди тех, кого назвала Нона, были Александрия, Иоселиани и Гуриели. «Эти девушки играют смело и быстро набирают силу».

«Вы умышленно не назвали Майю Чибурданидзе?» — спросил журналист.

«Нет, просто я собиралась сказать о ней отдельно. Эта одиннадцатилетняя кутаиска на редкость талантлива... Она — будущее наших шахмат. Запомните, Майя обязательно, повторяю, обязательно будет бороться за звание чемпионки мира».

Журналисту показалось странным, что столь категорично отозвалась об одиннадцатилетней школьнице строгая и знающая вес своим словам Гаприндашвили.

Только вряд ли думала тогда, в семьдесят втором, Нона, что ее прогноз сбудется уже через шесть лет и что в семьдесят восьмом, в Пицунде, она уступит Майе свою корону.

В спорте одному только — победителю — говорят «ура!», побежденному же приходится слышать «увы»; нас интересует новый чемпион, что испытал он, что пережил на пути к триумфу, переживания же испытавшего поражение остаются за кадром.

Нона и ее муж врач Анзор Чичинадзе — мои старые друзья (когда-то они познакомились в моем доме), и это обстоятельство позволяет мне спросить Анзора о том, о чем я вряд ли решился бы спросить кого-нибудь другого.

— Нона шестнадцать лет носила звание чемпионки мира, много раз отстаивала его в матчах с шахматистками № 2. Был всемирный почет и всемирное признание... скажи, трудно было Ноне почувствовать себя в новом качестве? Если тебе неприятна эта тема, поговорим о чем-нибудь другом.

— Сказать честно, приятного мало... но все уже давно прошло и переболело. Конечно, бросалось в глаза: кто-то поздоровался не так приветливо, как раньше, куда-то забыли пригласить, где-то забыли упомянуть. Все это жизнь, к этому надо относиться философски. И все же иногда вспоминали с улыбкой восточную мудрость: «Лучше не иметь, чем иметь и потерять».

— Но ведь не зря говорят, что корона имеет свойство падать и что постоянную прописку на Олимпе имели одни только боги. Нона — человек неординарный, разве она не готовила себя исподволь?..

— Мы не думали, что это случится уже в семьдесят восьмом. Нона переживала, и я ее хорошо понимал, из-за того, что не выиграла ту важную партию, которую могла и должна была

выиграть. Настроение было... И мы глубоко благодарны друзьям из Зугдиди, которые пригласили нас с Ноной сразу после Пицунды, постарались развеять мрачные мысли, вселить веру в шахматное будущее. И еще не могу не вспомнить Виктора Андреевича Ивонина, заместителя председателя Спорткомитета СССР. В дни, когда сыскались люди, отвернувшиеся от Ноны, он пригласил ее и сказал: «Мы ценим все, что вы сделали и что еще сделаете для шахмат... Вам всегда будет открыта дорога, я хочу, чтобы вы запомнили эти слова. Пожалуйста, перенесите поражение мужественно, найдите в себе силы снова побороться за шахматную корону. Я вам очень желаю и жизненных и шахматных удач».

Это достойное искусство — постичь умом и сердцем человека, испившего горькую чашу спортивного поражения, помочь ему поверить в себя, ободрить его добрым словом, не случайно из одних букв состоят два близких по смыслу глагола: «одобрить» и «ободрить». О, сколько прошло перед взором одаренных тренеров и наипаче спортсменов, которые свернули прочь со своей беспокойной стези, так и не раскрыв себя, их поражения не стали провозвестниками побед, не стали... ибо не везде и не всегда жалуем мы проигравших. Бываем торопливы в оценках и горазды на оргвыводы, которые стали синонимами выводов из команды.

Человек, отдающий шахматам ли, футболу, или легкой атлетике лучшие годы своей жизни, должен иметь ясный взгляд в завтра и уверенность в том, что поражения, от которых не застрахован ни один истинный Мастер, не приведут к потере интереса к его личности и судьбе.

И пусть не одна Нона Гаприндашвили запомнит эти слова: «Мы ценим все, что вы сделали и что еще сделаете... Вам всегда будет открыта дорога». Пример, достойный и внимания и подражания!

Вскоре после Пицунды была женская шахматная олимпиада в Буэнос-Айресе, Нона впервые выступала на непривычной второй доске. Сумела приглушить обиду и неприятные воспоминания, показала на своей доске лучший результат и помогла сборной СССР выиграть приз.

В дни, когда в Тбилиси проходил матч на первенство мира между Чибурданидзе и Александрия, в Ивано-Франковске разыгрывалось звание чемпионки страны, там вновь напомнила о своей силе Нона Гаприндашвили и вновь подтвердила нарастающую свою силу Нана Иоселиани, поделившие два первых места.

А матч в Тбилисском Дворце спорта выливался в новое русло. К середине его с разницей в два очка вела Чибурданидзе, но претендентка совершила невозможное, сравняла счет, матч пошел на изогнутом острие кавказского клинка, симпатичные соперницы предстали в облике воительниц высшего класса, оказалось вдруг, что шахматы — единственный вид спорта, который способен разбить Грузию (обычно единодушную в своих спортивных привязанностях) на два лагеря. И хотя матч закончился вничью и Майя, согласно хорошему правилу «женских шахмат», сохранила свое звание, многие верят, что Александрия еще скажет о себе. Верю в это и я.

Майя же вновь показала нам, сколь счастливо и благотворно слияние таланта и веры в себя в юные годы... в двадцать лет стать двукратной чемпионкой мира. Шахматная летопись еще не знала таких примеров. Студентка медицинского института, дочь агронома и преподавательницы русского языка стала грозой не только противниц. Из газеты:

«Многие гроссмейстеры-мужчины вынуждены были убедиться в том, что высказывание дерзкой девушки о том, что она мечтает сражаться за доской с мужчинами, не только юмор. Дважды подряд пробиться в первую лигу мужского чемпионата страны — таким достижением не может похвастаться ни одна шахматистка. Такому достижению могут позавидовать и многие гроссмейстеры-мужчины».

* * *

Между тем начался матч и в Мерано. Начался ошеломляюще для претендента. После четырех партий счет 3 : 0 в пользу чемпиона Анатолия Карпова. Если так продолжится и дальше, наша поездка, назначенная на 21 октября, «пойдет по местам боевой славы».

Не послать ли Анатолию такую телеграмму:

Был претендент перед матчем неистов,

Да сник понемногу,

Скукожился то есть.

Дождитесь советских туристов,

Побойтесь бога,

Имейте совесть.

— Так-то оно так, — говорит мой товарищ по путешествию в Багио и предполагаемой поездке в Мерано. — А вдруг сбудется ваше пожелание, вспомним, что случилось в Багио... Как вы себя будете чувствовать?

Едва начался матч, как в Первомайском универмаге Москвы (и в других магазинах тоже) резко возрос спрос на шахматные комплекты, а отрада любителей — миниатюрные магнитные шахматы исчезли вовсе. С новой доской и новыми часами пришел к излюбленной скамье в Измайловском парке мой добрый знакомый и партнер Григорий Трофимович Руденко. Это один из тех, кто всем сердцем в Мерано... У верного, хотя и немногословного поклонника Карпова распрекрасное настроение. Когда хорошее настроение, не только легко дышится, спится, работается, но и легко играется. В очередном блицтурнире этот кандидат в мастера общелкивает одного соперника за другим. Только дают ему по одной минуте форы, не на раздумья, нет — на то, чтобы сделать ход и перевести часы, Григорию Трофимовичу нужно чуть больше времени, чем его партнерам.

Лет семь назад мы с младшим сыном поехали на велосипедах в Измайловский парк и в одной из его аллей встретили довольно большую группу симпатичных шахматных зевак, не скрывавших радости по поводу того, что их домашнего чемпиона-задаваку нещадно обыгрывает немолодой степенный незнакомец. Взглянув из-за голов на позицию, я увидел, как тот без раздумий пожертвовал слона в итальянской партии и через семь или восемь ходов заматовал противника. Играл спокойно, а показался человеком нервным, при каждом ходе как-то неестественно поводил плечами.

Сын сказал:

— Папа, а ты на его руки посмотри.

Надо было внимательно приглядеться, чтобы понять — эти руки искусственные. На груди незнакомца был знак фронтовика, и тогда стало все понятно. Позже, когда мы познакомились ближе, оказалось, что у Григория Трофимовича два боевых ордена и много медалей, но он носит один только знак.

Вот что я узнал с годами о Григории Трофимовиче. Родом он из Славгорода, что на Алтае. Там вырос, учился, работал на селекционной станции, играл в шахматы, любил книги, мечтал о дальних путешествиях. Ему действительно выпало много пошагать и поездить по миру, только не дай бог никому такого знакомства с миром.

Его призвали в армию в первую же неделю войны. Наскоро обучили строевому шагу, обращению с винтовкой, штыковому бою и метанию гранаты. В ту пору все всё делали быстрее, чем обычно, время сжалось, спружинилось, Сибирь отправляла на фронт, неумолимо приближавшийся к Москве, свои полки и дивизии...

Слушаю ветерана, и на память приходят строки прекрасного поэта Василия Федорова из стихотворения «Сибирь», написанного в сорок втором; будто бы в наши дни переносился поэт, когда говорил:

Далекой битвы рваный след
Спокойно обеда рукою,
Он скажет: в дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою.

Григорий Трофимович начал войну под Москвой на Можайском направлении солдатом. Приметили в первых боях и повысили: стал помощником командира пулеметного взвода. И пролег первый его фронтовой путь от Города Славы до Погорелого Городища, будто из былинного повествования пришли эти два названия, нарочно не придумаешь их. На верстах до того Городища многих своих боевых товарищей потерял Руденко; когда от взвода отделение оставалось, говорили: повезло взводу. Но благосклонность военной фортуны имела и для Руденко срок действия: февраль сорок второго. В бою за город, несколько раз переходивший из рук в руки (что за мрачный провидец назвал его в стародавние времена Погорелым?), ударило осколком в щеку, выбило зубы, контузило. Полгода пролежал в Ульяновске в госпитале, а когда поправился, второй раз двинулся на запад. Только уже не пулеметчиком, а десантником — его взвод был придан танковому полку. Сперва обычному, в районе Курской дуги, а потом и необычному — тяжелому танковому полку прорыва.

Представим с тобой, читатель, что значит это — десант танкового полка прорыва. Клином идет полк, рассекая вражеские оборонительные линии, враг вгрызся в землю, понастроил и долговременные и кратковременные огневые точки, линия фронта — сплошное многоточие, а рядом с танкистами, защищаемыми броней, десантники, защищаемые одними только пуленепробиваемыми шлемами. Он был быстр умом и решительным в действиях — не свидетельство ли тому ордена за освобождение Литвы, за прорывы в Пруссии? И не эти ли качества сделали его, хорошо разбиравшегося в технике не только боя, но и в технике вообще, командиром танкового взвода? Он служил в армии Черняховского, той, что была примером порыва, наступательного одушевления, воинского мастерства. Много километров и родной освобожденной и чужой очищенной земли намоталось на лязгающие ленты его машин. И когда казалось — все, дело сделано, враг законопатил себя в своей берлоге, когда уже мечталось о близком мире, о жизни без разрывов, без потерь, в одном из самых последних боев ударил в его тяжелый танк снаряд чудовищной силы. ИС горел — это еще он помнит. И еще помнит нечеловеческую боль, судорогой сведшую тело. Кто спас его, не знает. Что стало с тремя другими товарищами, не знает тоже. Знает одно: когда пришел в себя и сделал попытку пошевелить пальцами рук, подивился, как легко послушались они приказа, да только совсем не там, где он предполагал, приподнялась простыня. Руки ему ампутировали — одну выше локтя, другую чуть ниже. Не одни эти потери подстерегали солдата. И в семье тоже была потеря — жена. Маленьких детей он купал в ванне ногами.

Была сибирская закалка, умноженная фронтовым терпением. Сколько людей на месте Руденко пало бы духом. Он задался мыслью сконструировать протезы, которые были бы послушны малейшему движению плеч. «Я создал эти протезы не только для того, чтобы держать ложку и нож, но чтобы играть в шахматы. Они уносят все горести этого мира и несут все его радости». Не знаю, сказал ли кто-нибудь о шахматах лучше. Он, фронтовик, думал не только о себе, о многих тысячах таких, как он. Стал инженером на протезном заводе. Как шахматист поставил перед собой далекую цель. И шел к ней, хотя и непосвященному ясно, что значит в наши дни заявка на изобретение.

...Перед отъездом на матч я встретился с Григорием Трофимовичем. Он попросил:

— Передайте, пожалуйста, Толе: пусть повторится и пусть не повторится Багио. До победного счета надо играть из всех сил. И еще мое отцовское пожелание удачи. Она нужна не только ему, она нужна всем шахматам.

Встретившись с Анатолием Евгеньевичем после девятой партии, я передал ему пожелание старого солдата. Карпов искренне поблагодарил. И написал на сувенирной шахматной открытке: «Мужественному человеку и хорошему шахматисту Г. Т. Руденко сердечно. А. Карпов».

Шахматы любят не только за то, что они развивают характер. Но и за то, что они выявляют характер. Эта тема — раскрытие характера в шахматах — уже давно привлекает интерес Эдуарда Гуфельда, гроссмейстера и журналиста. Воспоминание может прийти к нему неожиданно, захлестнуть, а так как он относится к счастливому племени экстравертов, не способных носить свое в себе, он тотчас находит собеседника (недостатка в них нет, слушать Эдуарда — удовольствие) и...

В одном из римских музеев при виде полотна, на котором изображена юная дева, имитирующая скорбь, Гуфельд слегка бьет себя ладонью по лбу и говорит:

— Послушайте, я вспомнил одну историю. Если бы тот художник жил в наше время, мог бы взять за основу другой сюжет. Значит, так, шел общемосковский турнир школьников младшего возраста. Девочка с черными косичками подставила ферзя. Ее партнерша — она училась в третьем классе и была на год старше — сделала попытку снять фигуру. Второклассница залилась слезами. Соперница недоуменно посмотрела на нее и отвела руку. Слезы прекратились. Снова потянулась к ферзю — у сидевшей напротив чуть не фонтаном брызнули слезы. Тогда третьеклассница подошла к судье и сказала:

«Я не знаю, что делать... Вера подставила ферзя... Я не очень ее обижу, если...»

«Вы же шахматистка и должны помочь Вере избавиться от зевков».

Девочка вернулась к доске, решительно сняла фигуру, нажала на часы и записала ход. Вера словно только этого и ждала. Быстренько вытерла слезы и... объявила мат в один ход.

Никто не хочет проигрывать. Но так не бывает, чтобы все только выигрывали. Вере объяснили, почему нельзя так поступать, как поступила она: хитрость в чистом, первозданном уничижительном смысле этого слова не оружие шахматиста. Таких не чтут нигде, а в шахматах — этой рыцарски взыскательной игре — по-особому.

— Не понимаю, почему ладья с поля **b6** не пошла на **c7**?

На самом деле ладья может ходить так только в кошмарном сне.

— Вы знаете, я как раз только что спросил об этом своего товарища, — делая над собой усилие, изображает улыбку господин в темно-сером костюме.

А вообще-то, если говорить честно, нечего шутить над блюстителями порядка (безопасности — точнее). Ибо еще живо первое впечатление о встрече с Италией.

Быстрый и бесшумный автобус, в котором мы ехали из аэропорта в Рим, был неожиданно остановлен на мосту, перекинутом через железнодорожные пути. На лицах полицейских, блокировавших движение, читалась плохо скрываемая тревога. Резали слух звуки сирен. Внизу, метрах в трехстах, был виден неестественно развернувшийся поперек шоссе автомобиль, окруженный полицейскими. Словно для того, чтобы показать пример спокойствия и терпения, наш шофер невозмутимо произнес: «Обычная итальянская картинка», раскрыл газету и уткнулся в спортивную хронику.

— А вы знаете, похоже, что там стреляли, — произнес некто, запасшийся биноклем, чтобы лучше видеть лица шахматистов и сейчас не без любопытства разглядывавший сквозь окуляры сцену на шоссе.

Да, стреляли, всего за несколько минут до того, как приземлился наш самолет. Прилети он чуть раньше, мы стали бы свидетелями очередного террористического акта в беспокойном городе Риме.

Едва разместились в отеле, узнали из экстренного выпуска теленовостей о том, что «красные бригады» свели счеты с капитаном-детективом Чириако де Рома, арестовавшим за

месяц до того нескольких ее членов. Нападавшие разведали (через кого?), что бронированный автомобиль капитана на ремонте, вывели (с чьей помощью?), что в определенный час и в определенную минуту капитан проедет именно по этому шоссе и будет сопровождать его только один телохранитель, устроили засаду, выпустили несколько очередей и скрылись. Показали по телевизору безутешные лица родных и капитана, и его шофера, после чего передали мини-интервью с неким высокопоставленным чином, который заявил, проницательно и мудро глядя на слушателей:

— Нам известны имена убийц, и я хочу сказать, что будут предприняты самые энергичные меры...

— Не всякий хвастун — итальянец, но всякий итальянец — хвастун, — беззлобно прокомментировала это заявление итальянка-переводчица, прикрепленная к нашей группе.

На следующий день газета «Корриере ди информazione» однако, поместила портреты двух преступников. И не написала: «Они подозреваются», а написала: «Они убили», видимо желая продемонстрировать читателям свою осведомленность. А затем выразила сомнение в том, что террористы будут разысканы и отданы под суд: «Полицейские меры не приносят эффекта. У полиции нет стимулов. Ее зарплата растет медленно и отстает от дикого роста цен. Имея такую зарплату, полиция не может или не хочет зря рисковать и по-настоящему бороться с террористами».

Одну любопытную мысль довелось услышать у телеэкрана:

«Италии никто не угрожает извне. Однако на военные нужды она тратит в сотни, если не в тысячи раз больше средств, чем на борьбу с опасностью внутренней, со всеми этими „красными бригадами“ и неофашистскими формированиями».

Что же касается роста цен... профсоюз полицейских угрожает забастовкой, если не будут приняты его требования о повышении заработной платы. Нетрудно представить, что произойдет на площадях и улицах итальянских городов, если забастуют стражи порядка. Как часто невольно вспоминалось в Мерано: «У полиции нет стимулов».

* * *

Первый раз довелось побывать в Италии в шестидесятом году. Помню, товарищ по путешествию предложил последовать его примеру: вместо того чтобы возвращаться в отель на обед, он покупал за сто лир кулек жареных каштанов и за сто лир банку оранжада, он называл этот комплект «благами жизни» и клялся, что ничего вкуснее на этом свете не ел. Я последовал мудрому совету и ничуть о том не жалел.

Теперь я предлагаю Гагику Оганесяну, журналисту из Армении, поужинать каштанами. Мы скидываемся, только я прошу своего товарища отдать продавцу не все деньги сразу, а сперва одну монету в сто лир. Гагик удивленно пожимает плечами, но просьбу выполняет. Продавец смотрит недоуменно, подкидывает монету, находит самый маленький каштан и протягивает его, давая понять, что торг окончен. Гагик улыбается. Зато на тысячу лир продавец кладет в длинный тонюсенький кулечек уже не десять, а одиннадцать каштанов. Благодарю Оганесяна за соучастие в эксперименте и на следующий день на рынке пробую выяснить, как обстоят дела с лавром. Когда-то в Италии он стоил гроши. За двадцать один год и на лавр невероятно подскочили цены.

Что же касается лаврового венка шахматного чемпиона, то ему в наши дни цены нет. Все труднее достается он. За три только года, прошедших после матча в Багио, население земли выросло почти на двести миллионов, страшно подумать, сколько претендентов на шахматную корону появится в мире через десять, через двадцать лет, до какой степени обострится борьба. Только очень хочется верить, что то «обострение», на которое умышленно шел претендент и в Багио и в Мерано, больше не повторится.

Хотя бы потому, что другим будет претендент.

* * *

Тирольцы делают все, чтобы крупнейшее шахматное состязание проходило на их земле в спокойной, доброжелательной обстановке, чтобы оно принесло славу, а не позор их мирному Мерано.

Симпатии тирольцев к Советскому Союзу имеют свои истоки.

В. И. Севастьянов, космонавт и президент Шахматной федерации СССР, во время ночной прогулки по притихшему Мерано рассказывает:

— На приеме бургомистр интересную историю вспомнил. Оказывается, Муссолини, придя к власти, выселил из области Альта Адидже несколько десятков тысяч «инакоязычных»: мол, или становитесь итальянцами, или прощайте. Германоязычное население области, на протяжении веков сроднившееся с этой землей и сделавшее ее одной из самых богатых в Европе, эмигрировало. Это случилось до прихода Гитлера, многие жалели о покинутых местах, но путь в Италию им был заказан. Хотя юридические права и на землю и на строения за ними сохранялись. «И только после того, как ваша армия, — говорил бургомистр, — расколошматила фашистов, мы получили возможность вернуться в родные края. Поэтому у нас, тирольцев, добрые чувства к русским, к вашей армии. Сегодня многие из нас не скрывают своей радости по поводу побед Карпова».

В справедливости этих слов довелось убеждаться не раз.

Мы с Виталием Ивановичем приходим в отель, где живет советская делегация, далеко за полночь. В фойе космонавта ждут около тридцати тирольцев. Держат наготове открытки, книги, альбомы. Просят автограф. Им лестно, что советский космонавт свободно говорит по-немецки, они хотят засвидетельствовать свое уважение молодому и симпатичному советскому чемпиону и пожелать ему победы в матче. Пусть имя их города войдет не только в название дебюта «Меранская система», но и в историю шахмат. Им приятно было познакомиться и с самим Карповым, и с его секундантами Балашовым и Зайцевым, и с руководителем делегации Батуриным. Хорошо, что с чемпионом все те, кто помогал ему в Багио, показали себя настоящими помощниками, а то бог знает что писали.

Что писали, это вспомним чуть позже, а пока...

— Среди нас многие играют в шахматы, — говорит пожилой тиронец в галифе и башмаках на толстой подошве. — Душа радуется, когда смотришь, как смело начал Анатолий. После первых его побед некоторые газеты написали, что ему помогают парапсихологи. Извините, пожалуйста, это может быть?

— На одной пресс-конференции Карпов действительно сказал, что ему продолжает помогать его психолог Зухарь.

— Правда, а каким образом? — оживился собеседник. — Пожалуйста, вот мой товарищ, его зовут Герхард, может подтвердить, что я верю в парапсихологию.

— Карпов сказал, что психиатр передает ему свои «атомные лучи» по телефону.

— Извините, пожалуйста, — сконфуженно улыбается тиронец.

В Мерано часто вспоминают о Багио. В одной из предметчевых публикаций претендент заявил, что после того, как он довел на Филиппинах счет до 5 : 5, разгневанный Карпов-де расформировал свою команду и отказался даже от гроссмейстера Игоря Зайцева, которого Корчной «с удовольствием взял бы к себе».

И пошла летать эта утка по миру. И хотя заведомо нелепым было утверждение Корчного (нетрудно догадаться, какие цели тот преследовал), немало тирольцев поверили ему. Немало удивились они, увидев рядом с Карповым все тех же секундантов. Так была опровергнута одна очевидная ложь. Что же касается другой...

Газета «Альто Адидже», в общем довольно объективно освещавшая ход матча, опубликовала статью под интригующим заголовком: «Демон (возможно, сверхъестественный) блокирует ярость Виктора».

Выдержки из нее дадут представление о том, в каком стиле писала местная пресса о матче.

«Что осталось от „старого льва“ Корчного? Стершиеся когти, дьявольский колорит? Претендент на пути к своему закату. Грозный Виктор уже не тот. Если бы был Зухарь, Виктор Корчной мог бы снова заявить: „Я не могу играть, когда он в зале, пересадите его“, к удовольствию прессы всего мира и своего душевного успокоения. Но увы, „магический сын Распутина“ в Мерано отсутствует. На что сетовать?»

Один из друзей претендента, Эдуард Штейн, говорит:

— Есть что-то сверхъестественное в том, почему Виктор уже не тот. И это не отнимая ничего у Карпова, который остается величайшим чемпионом. Наверняка Батуринский и его товарищи изобрели что-то сверхъестественное в психологическом плане. У меня нет доказательств, но я чувствую это эмоционально.

— Что вы чувствуете? — спрашиваем его.

— Не знаю что, но что-то есть, и надо открыть это до того, как матч закончится. Тем самым мы докажем, что Виктор в состоянии возродиться.

Мы указали ему на возрастную разницу между Корчным и Карповым.

— Это все сказки и чепуха, — говорит Э. Штейн, — я уверен, что есть что-то сверхъестественное, и с этим надо бороться. И вы увидите, что Виктор снова станет прежним львом.

Чтобы представитель Корчного позволил себе назвать Карпова величайшим чемпионом, это что-то новое. Раньше претендент безжалостно изгонял из своего лагеря всех, кто позволял себе сказать хоть одно хорошее слово о Карпове. Примечательно, что и газеты, высказывавшие поначалу симпатии к Корчному, начинали с каждой новой неделей матча понимать истинное соотношение сил за шахматной доской и честнее писать и о самой поединке, и о том, что сопровождало и предшествовало ему. При всем том фраза: «Есть что-то сверхъестественное в их шахматах» — продолжала кочевать по страницам всевозможных газет, издающихся и в самой Италии, и далеко за ее пределами. За океаном, например. И не надо особенно сильно этому удивляться. Есть много непостижимого, загадочного для западного мира в том, почему именно из Советского Союза появляются один за другим на мировой арене талантливые и сверхталантливые шахматисты, почему так здорово играют они в международных турнирах высшего ранга, почему сборная нашей страны одержала победу в матче со сборной мира.

Об этом феномене, поддающемся воображению куда лучше, чем туманные рассуждения об «атомных взглядах» и прочей чепухе, я и постараюсь рассказать.

* * *

Продуманная, поставленная на прочные педагогические и спортивные рельсы система раннего выявления шахматной одаренности помогла нам только за последние годы узнать имена Гарри Каспарова из Баку, Александра Белявского и Олега Романишина из Львова, Льва Псахиса из Красноярска, Артура Юсупова из Москвы... Это, если так можно выразиться, карповские тылы, и не удивимся, если встретим этих молодых людей в ближайших же циклах претендентских матчей.

Нам ясно то, о чем лишь смутно догадывается западный обыватель, берущий на веру вымыслы о некой загадочной первооснове советских шахматных достижений. Безусловно, на формирование и молодого гроссмейстера Карпова, и других представителей новой шахматной волны не могла не повлиять кровная заинтересованность общества в развитии шахмат как одного из элементов социалистической культуры. Анатолий не мог не чувствовать великой

благожелательности, которая окружала его с детских лет... Известно давно, что лучшие дела совершаются лишь на благоприятном эмоциональном фоне, только такая обстановка помогает молодому человеку учиться, работать и искать с упорством и прилежанием, которые неведомы человеку, попавшему в обстановку завистливой недоброжелательности.

И еще — была преемственность. Это великая вещь в жизни, а в спорте — особенно. Случайно ли именно во Владимире, в школе олимпийского чемпиона Николая Андрианова, сформировался гимнаст высшего класса Юрий Королев, который столь блистательно выиграл звание абсолютного чемпиона мира на состязаниях в Москве? Случайно ли именно в женском брассе по примеру Галины Прозуменщиковой появилась у нас целая плеяда чемпионок и рекордсменок? Случайно ли именно в шахматах (вспомним имена Александра Алехина, Михаила Ботвинника, Василия Смыслова, Михаила Таля, Тиграна Петросяна, Бориса Спасского — ни одна страна не дала стольких чемпионов мира) появился у нас Анатолий Карпов?

Вместе со мной в поездке в Мерано была группа шахматных организаторов и тренеров из разных городов Советского Союза. Появилась возможность чуть лучше понять, что делается в стране для развития шахмат. Приведу бесхитростные рассказы моих товарищей. Одновременно это даст читателю возможность составить представление о людях, которые считают и честью и долгом служение прекраснейшей из игр.

Федор Константинов, вице-президент Философского общества СССР, заведующий сектором Института философии АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор философских наук, профессор, председатель Шахматной федерации Москвы:

— В столице открыт университет шахматной культуры. Занятия проходят раз в месяц в Центральном лектории Политехнического музея. Слушателей более тысячи. Прошли лекции всех советских чемпионов мира. Когда выступали Анатолий Карпов и Михаил Ботвинник, площадь до краев была забита народом, спрашивали лишний билетик. Провели вечер «Шахматы и юмор», в гости к слушателям пришли писатели и артисты, и снова переполненный зал. Понимаем хорошо, как много можем и обязаны сделать для пропаганды шахмат, как велик интерес к ним. Поэтому взяли за правило вечера, встречи и выступления на заводах, фабриках и в вузах. Особое внимание — школьникам. В порядке эксперимента ввели преподавание шахмат в ряде школ Свердловского, Бабушкинского и Гагаринского районов. Наши помощники в этом деле — и ученые, и преподаватели, и директора школ, и сами родители: видят, как организуют и подтягивают ребят шахматы — не просто отвлекают от улицы, а формируют характер, учат не вешать носа при неудачах. Много надежд связываем с пропагандой шахмат по телевидению... Десятки тысяч писем от маленьких и больших, которые получает редакция учебных программ, — тоже неплохое свидетельство популярности шахмат. Стараемся научно обосновать процесс интенсивной, созвучной времени методики подготовки шахматистов высшего класса. Один пример из близкой области. Раньше языки изучали лет десять — двенадцать, в школе, вузе, а как знали их? Пришла новая система, и теперь не удивляемся, когда узнаем, что на специальных курсах за месяц осваивают то, на что раньше уходило десять лет. То же и в шахматах. Когда-то тренер Анатолия Карпова Семен Фурман, убедившись в редкой восприимчивости ученика, начал до предела уплотнять тренировки; за единицу времени Толя получал неизмеримо больший запас информации, чем ученики других тренеров. Стараемся распространить этот опыт. Появились молодые, очень интересные шахматисты: Зайцева-младшая, Струтинская, Андрианов, Соколов, они выросли буквально на глазах. И в сборную Москвы влилось много молодых. На том уровне сборной особенно хорошо чувствуется благотворность взаимного обмена, команда стала не просто сильнее, стала дружнее, и результаты ее пошли вверх.

Не могу не сказать о том, что за последнее время значительно усилилось внимание партийных, советских, комсомольских организаций к шахматам. В горькоме партии мы не знаем

ни одного случая отказа от наших предложений. Бюро МГК КПСС приняло постановление о развитии шахмат; убежден, что оно позволит уже в ближайшее время поставить эту серьезную работу на новый уровень. Таким образом, победив в Багио, Анатолий Карпов сделал доброе дело не только для себя, но и для очень многих любителей шахмат... Жизнь пошла интереснее, на новых оборотах. Убежден, что и Мерано придаст ей еще больший импульс.

Генрикас Пускунигис, инженер-строитель, заместитель заведующего отделом ЦК КП Литовской ССР, председатель Шахматной федерации Литвы:

— Не так давно в нашей «Тиесе» была опубликована большая статья о шахматных делах республики и о том, что надо сделать в помощь им. У нее оказалась любопытная судьба. Главный редактор газеты Альбертас Лауренчукас разослал статью в те города и районы, которые подвергались критике, ответы были взяты в редакции под контроль. Вот, например, как ответили в Каунасе: решением горисполкома выделено помещение для шахматно-шашечного клуба, в институте физической культуры для будущих преподавателей вводится курс «Шахматы». В Вильнюсе, Каунасе, во многих сельских районах оживилась шахматная жизнь, стало больше турниров, встреч с мастерами. Пришли и спортивные успехи. Команда нашей республики победила во всесоюзном турнире первой лиги и завоевала право участия в высшей лиге. Смотрим вперед, послали на учебу в Москву нашего молодого и одаренного мастера Алоизаса Квейниса, победителя турнира республик Прибалтики и Белоруссии, Алоизас учится на отделении шахматной специализации Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры. Нам очень нужны тренерские кадры, стараемся примечать и выдвигать тех, кто честно служит шахматам.

Фаик Гасанов, ученый секретарь Главного управления науки и пропаганды Министерства сельского хозяйства Азербайджанской ССР, председатель Шахматной федерации Баку:

— У нас появилось новое издание «Шахматы», приложение к газете «Спорт», бюллетень выходит два раза в месяц на двух языках. Два раза в месяц выходит на экраны и телевизионный шахматный клуб. Не преувеличу, если скажу, что в республике начался настоящий шахматный бум. Шахматные школы открылись в городах Шеки и Барда, а клубы — в Кировабаде, Сумгаите, Ленкорани, Касум-Измайлове, Белоканах. Если можно так сказать, на пример Анатолия Карпова накладывается пример нашего земляка Гарри Каспарова, юного, делающего быстрые шаги международного гроссмейстера. Стал международным мастером выпускник Азербайджанского государственного университета Эльмар Магеррамов. Радует за одиннадцатилетнюю Айнур Сафиеву из города Кахи, завоевавшую на Всесоюзной спартакиаде школьников третье место и право на кандидатский балл. А команда Бакинского Дворца пионеров заняла второе место (вслед за Москвой) в командном всесоюзном турнире Дворцов пионеров, опередив коллективы Ленинграда, Минска, Челябинска и других городов.

Постоянно интересуется шахматными делами и помогает нам секретарь ЦК КП Азербайджана Гасан Азизович Гасанов. Когда он был секретарем райкома партии в районе имени 26 Бакинских Комиссаров, сделал много для открытия шахматной школы гороно. Потом Гасана Азизовича избрали первым секретарем Сумгаитского горкома партии, и вскоре в этом индустриальном спутнике Баку открылась такая же школа. Ну а когда его отправили на работу во второй промышленный и культурный центр Азербайджана — Кировабад, мы уже не сомневались, что и там будет создана школа юных шахматных талантов. Так оно и случилось. Сам я родом из Кировабада и знаю не из чужих слов, что первый секретарь горкома партии начинал чуть ли не каждый день с визита на строительство... Теперь в этом прекрасном здании овладевают премудростями игры четыреста мальчиков и девочек. Знаю, что среди них есть много способных ребят.

Добавлю еще, что всегда в курсе наших дел и забот первый секретарь ЦК ЛКСМ

Азербайджана Джангир Муслим-заде.

В свое время многое сделали для развития шахмат в Азербайджане заслуженный мастер спорта Владимир Макогонов (его именем названа одна из дебютных систем), мастера Сурен Абрамян, Султан Халилбейли; теперь же выросли новые тренеры, организаторы, судьи, бескорыстно отдающие свои свободные часы популяризации любимой игры (при мне Фаика Гасанова тепло поздравил с присвоением ему звания судьи международной категории президент ФИДЕ Ф. Олафссон). Все это, продолжал Ф. Гасанов, дает нам веру в то, что скоро в Азербайджане появятся новые талантливые мастера. Не скрою, нам было приятно услышать из уст В. И. Севастьянова, познакомившегося с работой шахматной организации Азербайджана: «Ваша федерация — одна из лучших в стране».

Еще в нашей группе заслуженный тренер СССР Виктор Карт из Львова. Львов — единственный город страны, который представлен в первенстве СССР 1981 года четырьмя гроссмейстерами, учениками Виктора Карта. Я прошу его найти одно только слово, которое помогло бы объяснить этот феномен. Мой собеседник задумался и произнес: «Благожелательность». Больше я ни о чем не спрашивал.

Говорим и пишем: в СССР четыре миллиона шахматистов. Да не посетуют на меня служители спортивной статистики, но я думаю, что это пример несвойственного им «занижения показателей». В работе противоположного свойства мы неплохо набили руку, начинаем понимать весь вред дутых отчетов и саморекламных обязательств, где и как можем боремся с ними. А тут «всего» четыре миллиона.

Да зашли бы вы в московские клубы, парки, школы, дома отдыха, в квартиры, наконец, — во многих ли квартирах не нашли бы вы шахматы с позицией, которую передало радио из Мерано? Думаю, только в одной Москве нашлось бы никак не меньше четырех миллионов шахматных знатоков и переживателей.

До часу ночи не гасли огни во многих квартирах моего большого дома, ждали последних известий.

— Вам еще хорошо, — говорит Акылбек Муратбеков, председатель Шахматной федерации Киргизии. — У нас во Фрунзе не спят до четырех часов ночи. Тоже ждут.

Ничего страшного, можно недоспать, когда такие вести из Мерано.

Первая партия. Всего несколько слов произносит шахматный радиокomentатор: «Запишите двадцать четвертый ход черных: **d4**, Дмитрий четыре», а сколько в этом «Дмитрии четыре» закодировано мыслей, переживаний, откровений! Новое продолжение в старом как мир ферзевом гамбите. Обычно в этом дебюте жертвуют пешку белые в самом начале и ненадолго. А тут в середине партии неожиданная жертва со стороны черных. Безнадежно задумался претендент. Принимать жертву плохо, это рассечет позицию белых, без прикрытия и защиты главных сил окажется их король. И непросто, через заминированные поля должен будет пробираться к нему ферзь. Корчной не принимает жертву. Как говорят испанцы, партия пердида — партия проиграна.

В такие минуты лучше выключать телефон. Но это значит лишить себя многих положительных эмоций, которые возникнут сами собой, как только позвонит, например, полковник-литератор Владимир Виноградов. Он первым предложит поставить к ходу «Дмитрий четыре» два восклицательных знака. Случайно ли именем Дмитрий назовут сына, родившегося в эту ночь, супруги Поликарповы из подмосковного Звенигорода, инженеры и любители шахмат? Позже, как писал «Советский спорт»: «Одна молодая мать из Горького в телеграмме сообщила, что назвала своего малыша Толей. Но тут же подобная телеграмма пришла от одного молодого отца из Грозного, затем еще такие же „молнии“ из Ленинграда и Киева».

Но право на тезок надо было еще завоевать.

Первая ласточка хоть и не делает весны, но говорит об ее приближении. Победа в первой же партии не могла не повысить на много градусов настроение чемпиона и на столько же градусов понизить настроение претендента.

А ведь был прав Виноградов: именно двумя восклицательными знаками сопроводил двадцать четвертый ход Карпова Михаил Таль — автор репортажей в «64».

Тонкий ход конем приносит чемпиону мира ощутимый перевес во второй партии так же, как «обратный ход» в шестой наверняка избавил бы его от поражения. 2 : 0. В третьей претендент добивается ничьей, но четвертую проигрывает снова. Еще ни один матч на первенство мира так не начинался.

В лагере претендента воцарилась обстановка уныния. После второго поражения, как писала издающаяся в Западном Берлине «Тагеншпигель», Корчной подогрел слухи о своей возможной сдаче в матче с Карповым. Он собрал чемоданы и покинул вместе с Петрой Лееверик южнотирольский курорт Мерано, уехав в неизвестном направлении. Перед своим отъездом он не ответил на вопрос относительно намерения взять тайм-аут. В действительности же претендент отправился в горы, где провел ночь в запасной квартире.

Из Рима передавал ТАСС: «Газеты единодушно отмечают, что в отличие от Корчного, выглядящего очень нервным, А. Карпов ведет себя в ходе встреч и вне зала, где проходит поединок, уверенно, выдержанно, спокойно».

«Поглядеть на него вблизи, — замечает „Паэзе сера“, — он все такой же юноша, каким мы привыкли его видеть несколько лет назад, в частности, когда в 1975 году Анатолий приезжал в Милан на турнир двенадцати сильнейших шахматистов мира».

Поглядеть на него вблизи... А если снова и снова просмотреть те первые четыре партии. Фигурами движет рука бойца, умудренного многими сражениями, не боящегося осложнений, но избегающего риска в прямом, первоначальном смысле слова. Игра его стала солиднее. Обозреватель югославского агентства ТАНЮГ так пишет о четвертой партии: «Для стиля игры чемпиона мира была... характерной четвертая партия, в ходе которой после дебюта создавалась примерно равная позиция. Ожидалось, что она закончится вничью, но чемпион уверенно маневрировал и использовал небольшие неточности противника. А. Карпов показал большое мастерство в использовании маленьких преимуществ».

Я думаю, это было главной отличительной чертой Карпова восемьдесят первого года. Грубых промахов претендент не допускал: и тактика и стратегия Карпова сводились к искусству использовать микроскопические неточности соперника, постепенно накапливая преимущество, достаточное для победы.

Отклики зарубежной прессы на первые пять партий, давших счет 3 : 0, сводились к одному: Карпов на голову превосходит претендента, матч, по существу, кончен.

Надежду в организаторов матча, боявшихся помимо всего прочего финансовых убытков в связи с быстрым окончанием состязания, вдохнула шестая партия.

На встрече с журналистами Карпову задали вопрос:

— Как вы отнеслись к поражению в шестой партии, где прошли мимо возможности не только избежать проигрыша, но даже поставить противника перед трудноразрешимыми проблемами?

Ответ был таким:

— Что говорить, чувства я испытывал не из приятных. Между прочим, как раз шестую партию Корчной провел очень сильно и, отставая в счете на три очка, действовал решительно. Думаю, я вправе сказать, что защищался тоже отнюдь не худшим способом и создавал противнику серьезные затруднения. Тридцать девятым ходом он допустил промах и дал мне шанс не просто спасти партию, а может быть, даже и выиграть ее. Но дело в том, что я издали

шел на этот вариант и заранее наметил ошибочный, увы, ход, на который затратил всего несколько секунд. А между тем времени у меня было предостаточно, к тому же и начинающий шахматист мог бы увидеть лучший ход — настолько он прост. Бывают даже у гроссмейстеров такие затмения!.. Но что поделаешь — борьба есть борьба, и без ошибок обойтись в столь ответственном соревновании невозможно. Когда подобные промахи шахматисты замечают за доской, то ведут себя по-разному: одни бледнеют, у других вспыхивают щеки, у некоторых, говорят, волосы встают дыбом. Всякое бывает. А я, даже покинув зал и сядя в машину, еще не знал, какой мог сделать сороковой ход. Только встретившись с секундантами и услышав, не помню уже от кого лично, горькую правду, испытал острое чувство огорчения. Судя по дальнейшему ходу матча, я прошел через это разочарование с минимальными нервными потрясениями.

Это искусство не из простых — пройти сквозь поражения без потрясений. Ты должен выкинуть из головы мысли о том, сколько людей в мире узнают завтра же о твоей оплошности, сопровождают опрометчивый ход одним, а скорее всего, двумя вопросительными знаками. Огорчатся друзья, порадуются недруги. Удивятся тому, что ты, обладающий даром дальних расчетов, все же отложил партию, хотя надежд на ее спасение — никаких. Но теперь ты стал мудрее. Научился отгонять от себя презренные мысли, охотнее всего навещающие маловеров. Уже не будешь с таким упорством смотреть до утра отложенную партию, то и дело спрашивая самого себя: а вдруг, а вдруг?

Ты спокойно известишь главного судью через секундантов, что сдаешь партию, и не позволишь себе следующий раз тратить на ход всего несколько секунд, когда в твоём распоряжении так много времени.

Учеба на поражениях — самая полезная в мире учеба. Если только ты обладаешь способностью относиться к ним так, как они того заслуживают.

А ведь это искусство даровано не всякому.

* * *

Мой многолетний партнер Георгий Иванович Куницын... Не знаю, сколько партий — триста, а может быть, и все пятьсот сыграли мы, и сколько интересных вещей узнал я до партий и в перерывах между ними — во время же самой игры Георгий Иванович целиком погружается в шахматы. Произойди землетрясение или пожар, он не встанет, тем более если у него позиция лучше хоть на самую малость.

Искусствовед, критик, автор многих трудов по эстетике, доктор философских наук, писатель, он написал: «Шахматы для меня — царство истинной человеческой свободы. Пусть вас не смущают высокие слова. Выше свободы, основы счастья, все равно ничего нет! Речь идет о такой свободе, когда забываешь о суете и сложностях жизни. Тут муки — от вдохновения. Ощущение такой свободы при игре в шахматы у меня столь же сильное и глубокое, как и при занятиях любым другим творческим трудом». И далее: «В шахматах вообще нет ничего унижительного. Даже проигрыш не потеря. Не ради очков, в конце концов, идет игра; важнее сам процесс. Он возвышает» («64», 1981, № 20).

Побывали бы вы, дорогой Георгий Иванович, в Багио или Мерано, пережили бы страсти, порождаемые ими, спросили бы себя на минуту, а что случилось бы с вашей любимой игрой, если бы соперник Карпова набрал больше очков, — сам процесс важен, но очки, очки, как дороги они в состязаниях такого уровня. Как бы красиво ни вел ты партию, сколько бы эстетического наслаждения ни доставила она тебе, все заглушится, придавится необыкновенной тяжестью пустотелого и такого невесомого с виду нуля, который стал против твоего имени.

И даже если никто не проставит нуля...

Одному нашему известнейшему ученому, читавшему лекции за рубежом и рассказавшему

коллегам, между прочим, о своих шахматных пристрастиях, подарили новинку, которая, обойдя несколько лет назад чуть не всю Европу, перестала быть диковинкой: электронные шахматы. Ты можешь запрограммировать электронного партнера на определенную силу игры, говоря по-нашему, от третьеразрядника до мастера (регулируя глубину и дальность его расчетов), садись и играй. Он не подаст тебе ни одной реплики, не возьмет назад ни одного хода, он будет интересен как мыслитель и скупен как партнер. Этим последним определением я вовсе не хочу принизить роль электронных шахмат и как средства разумного проведения времени и как средства быстрого роста шахматного умения; пора бы и нашей электронной промышленности, давшей немало своих разработок (вспомним, например, ультрасовременные демонстрационные доски, на которых мгновенно отпечатывается каждый из ходов), приняться и за эту: великое скажут им спасибо!

Вернувшись в Москву, академик, обыгрывавший в молодые годы хороших шахматистов, решил без свидетелей сыграть с электронным партнером. И проиграл ему. Видимо, большое впечатление произвел на академика тот проигрыш, раз не захотел он даже держать хитроумную игрушку, не хотел смотреть на нее, чтобы не вспоминать унижительного чувства, и добровольно расстался с ней.

И не думаю, что утешился известный ученый тем, что за него отомстил профессор Г. И. Куницын, разгромивший машину (настроенную на ту же программу) за пятнадцать ходов.

* * *

Теперь вернемся чуть назад, к результату первых четырех партий, и спросим себя, был ли на свете человек, который взял бы на себя смелость заранее предопределить их результат? Вы торопливо ответите: «Нет» — и будете не правы. Такой человек есть, зовут его Валерием Михайловичем Корягиным, он сотрудник Издательства военной литературы и большой любитель шахмат...

Как он это сделал, что дало ему основание спрогнозировать счет?

Сейчас мы с тобой, читатель, свернем в сторону с шахматной тропы, побеседуем неторопливо об одной спортивной (может быть, не только спортивной) проблеме, с тем чтобы снова вернуться в небольшой итальянский городок, раскинувшийся под крохотным голубым небом, зажатым со всех сторон горами с заснеженными вершинами.

* * *

У нас учатся, не стесняясь в этом признаться, японские гимнасты и американские волейболисты, испанские ватерполисты и болгарские штангисты... Весь мир (есть ли в этом преувеличение?) учится у наших шахматистов.

Именами Михаила Ботвинника, Василия Смыслова, Михаила Таля, Тиграна Петросяна, Бориса Спасского названы шахматные клубы в разных странах света, всего же больше клубов носит имя Анатолия Карпова; говорят, что в этом с ним может соперничать лишь гимнастка Ольга Корбут, покорившая несколько лет назад и Старый и Новый Свет. В Испании и на Филиппинах, в Мексике и Франции, в Японии и США довелось встречать книги советских гроссмейстеров, в Марокко и Греции — шахматные доски с их портретами, а в ФРГ — газеты, сообщавшие о заочном матче: сборная шахматистов Западной Германии — Карпов.

У нас учатся, и это хорошо.

Но спорт как наука о возможностях и поведении человека в динамически переменчивых ситуациях знает и много любопытных, а порой и неожиданных находок и изобретений, рожденных за рубежом.

Всегда ли мы относимся к ним так, как они того заслуживают, не бываем ли порой самонадеянны, не слишком ли доверяемся тем, кто свехосмотрителен и подозрителен уже одним этим?

Лет двадцать назад я познакомился в кабинете редактора журнала «Физкультура и спорт» Петра Александровича Соболева с одним молодым соискателем ученой степени, который устроил редактору сцену из-за того, что тот отказался опубликовать отрывок из его диссертации. Склоняя во всех существующих и несуществующих падежах слова: «наша передовая методика», он, между прочим, предлагал запретить пользоваться новыми фибергласовыми шестами для прыжков в высоту и возвратиться к милому сердцу бамбуку с тем, чтобы «на олимпиадах шла борьба не между конструкторами нового инвентаря, а между спортсменами, как это бывало на играх прошлых лет».

На лице соискателя играли краски всевозможных теплых тонов, едва сдерживая гнев, он вопрошал:

— Вы знаете, почему наши шестовики так отстают? Потому что у них там, за границей, наизобретали разные хитрые штучки, которые никакого отношения к настоящему спорту не имеют. А мы боимся сказать об этом прямо и во всеуслышание. Вот и вы... Поймите меня правильно, это принципиально, вы заставляете меня обратиться в соответствующие инстанции.

Петр Александрович соболезнующе посмотрел на ретивого автора сквозь толстые стекла очков и сказал:

— Почему бы вам не написать о том, что и наша промышленность должна была бы научиться производить шесты из фибергласа? Не кажется ли вам, что такая постановка вопроса более перспективна?

— И вы туда же? Ну хорошо. До свидания, — со значением произнес визитер.

Когда за ним захлопнулась дверь, Петр Александрович задумчиво произнес:

— Как тебе понравился этот фрукт? Шустрый малый, далеко пойдет, ишь ты, жаловаться побежал... «Вперед-назад к бамбуку».

— Такие кадры, что ни говори, тоже нужны науке, на их примере могут поучиться другие, как не следует вести спортивные исследования.

— Между прочим, не первую статью он нам предложил. Спекулирует привычным набором слов, а между ними ни одной свежей идеи. Сколько мне дано судить, его цель — нигде ни в чем не ошибиться, слова нового не молвить... верит, что так можно быстрее сделать карьеру в том круге, в который он стремится войти, если уже не вошел. Распространяется о семимильных шагах нашего спорта, а сам семиверстным шагом... Ох эти Семиверстовы (чувствовалось, что Петру Александровичу понравилась изобретенная им фамилия), небезынтересно бы проследить, кем станет наш соискатель с годами.

Сегодня Семиверстов заседает в ученых советах. Много изменилось в его внешности — не такими налитыми стали щеки и не такими ясными глаза, не изменилось одно — неприязнь к тем, кто ведет исследования, не согласующиеся с его принципами и взглядами. Он никогда не возьмет под свое покровительство исследователя, чья работа вызывает споры и противоречивые мнения. И наоборот, под его крылом вольготно аккуратным, неошибающимся чистюлям.

...На Олимпиаде в Мехико американец Дик Фосбюри продемонстрировал новый стиль прыжка в высоту. Все было странно и непривычно в нем: и разбег по дуге, и толчок, и сам перелет — спиной к планке. Он шлепнулся в поролоновую яму спиной, и тот шлепок («флоп» по-английски) и дал название новому стилю «Фосбюри флоп».

Помню, как застрочили кинокамеры, когда славный американец совершил победный прыжок, сделав лучшую из всех мыслимых реклам своей придумке.

Семиверстовцам она пришлась явно не по душе: не то, не то. А вдруг начнут прыгать этим, с позволения сказать, стилем представители подрастающего поколения, восприимчивые ко всему необычному, к каким конкретным результатам приведет увлечение данной заокеанской

новинкой? К массовым переломам позвоночника — и только. Не станешь же на каждом стадионе специальные ямы с поролоном оборудовать. Кроме всего прочего ясно с первого взгляда — стиль неперспективен и уступает нашему родимому и привычному. Нужны выкладки? Пожалуйста, за этим дело не станет. Семиверстовцы, «будучи, являясь» (это их любимое выражение) последователями своего учителя, разнесли и разослали, в специальные газеты и журналы быстренько сочиненные схемы, призванные убедить читателя в том, насколько бесполезен новый стиль; в комментариях же выпускали язвительные стрелы в тех, кто пробовал робко сказать или написать: а не приглядеться ли к нему?

К счастью, не так уж много тренеров поверило этим липовым выкладкам. Оказалось, что «Фосбюри флоп» позволяет намного сократить срок подготовки атлета, способного преодолевать два метра. Этим сразу же воспользовались десятиборцы, и результаты их круто пошли вверх. Помрачнели душой семиверстовцы. Но ненадолго. Благо в сферах, близких к спортивным, произошли события, заставившие их снова приналечь на работу.

В одном солидном, почитаемом молодежью журнале был опубликован очерк о женщине, умевшей читать кончиками пальцев. Исходя из убеждений, что им подвластны все тайны бытия, — а если возникают разговоры о тайнах, им не подвластных, то это не что иное, как шарлатанство, — семиверстовцы сомкнули ряды и с энергией, которая бывает обычно свойственна людям такого сорта, пошли в новую атаку. Теперь они призвали на помощь формулу, изобретенную одним чеховским героем: этого, мол, не может быть потому, что не может быть никогда. И пошли гулять по страницам и серьезных и юмористических журналов разоблачительные статьи и фельетоны.

Тогда журнал «Техника — молодежи» поставил эксперимент, который должен был ответить на вопрос: может ли действительно человек «видеть пальцами»? Уважаемые ученые мужи, приглашенные на опыт, подписались под словом «может», ибо убедились в его абсолютной чистоте.

— Куда идем? — вопрошали, хватаясь за сердце, семиверстовцы. — К чему придем, если будем воспитывать молодежь на подобных сомнительных примерах? Не хватает еще, чтобы нам начали доказывать, что существует телекинез и что одним только взглядом можно задержать на лету коробок спичек. Ведь написал же журнал «За рубежом» об одном заокеанском фокуснике-мокуснике Гиллере, который якобы взглядом ложки изгибает, его в национальное управление астронавтики пригласили, и он там будто бы взглядом одним рубильник выключил и весь дом в темноту погрузил... Знать, доверчивые лопухи в том управлении штаны протирают... Не хватает еще, чтобы у нас последователи того самого Гиллера сыскались!

А ведь сыскались! Помрачнели семиверстовцы, когда прочитали в «Пионерской правде» (надо же, в газете для детей!) статью о москвиче, обладающем способностью удерживать тот самый коробок взглядом — между ладонями, — и увидели снимок, как это делается. Представили себе на одну только минуту, сколько согласований (и в каких кругах) потребовалось редактору, и сказали себе: лучше пока до поры до времени в эти дела не вмешиваться; дружно сработали и первая, и вторая, и какие ни есть сигнальные системы (осторожно!), ушли в тень семиверстовцы, но верили в неизбывные способности свои и в то, что их день еще придет.

Он пришел вместе с именем зарубежного профессора математики Зло.

Профессор предложил свою систему оценки мастерства шахматистов. Каждый мастер и гроссмейстер имеет определенную сумму баллов, говоря иначе, рейтинг. Эта сумма периодически меняется в зависимости от того, как сыграл он в том или ином турнире... способности шахматиста получили свое математическое исчисление с точностью до пяти десятых балла. Переаттестация проходит регулярно, она не подвластна эмоциям, симпатиям и

антипатиям — человек получает только то, что он заслужил. Еще не было случая, чтобы потерявший баллы обратился в вышестоящие шахматные инстанции с жалобой на то, что к нему отнеслись несправедливо, что он пострадал за критику или с ним свело руководство старые счеты, — посмеются только и выбросят жалобу в корзину, и никакая инспекция не заставит держать ответ: почему оставили без внимания письмо трудящегося?

Вот бы придумать нам свою систему переаттестации и поощрения таланта за живость ума! Увы, не все поддается математике.

Но на одну только минуту представили себе семиверстовцы, что такое осуществится. Разве что демонстраций с лозунгами «Долой Эло!» не устраивали у стен шахматных клубов, когда прослышали, что и отечественная шахматная федерация готовится ввести в практику его систему. Какие сны снились семиверстовцам — то пером не описать, будто выдали им после серии тестов и бесед их личные рейтинги, а в них одни нули. И с новым одушевлением засели — уже не во сне, а наяву — за статьи: «Кому нужна эта система?», «Куда ведет так называемый ученый Эло?». Не все статьи проникли в прессу, а те, которые проникли, свое воздействие имели: на несколько лет задержались мы с коэффициентами Эло. И стали реже звать наших гроссмейстеров на международные турниры и к нам, скажем об этом прямо, приезжали играть без особого энтузиазма, и здесь свой след оставили семиверстовцы. А сейчас, когда коэффициенты Эло прочно вошли в нашу шахматную жизнь и когда их регулярно публикует журнал «64», спрашиваем себя удивленно: как же обходились без рейтингов раньше, как приблизительно знали способности ведущих своих мастеров «по состоянию на тот или иной год»?

Но не чахнет жизненная сила и стойкость семиверстовцев. Они снова берутся за перья, едва узнают о работе ученого, живущего в Ленинграде и старающегося представить, когда и в какую пору жизни мужчина ли, женщина ли способны к высшему проявлению своих способностей, в том числе спортивных. Автор этих работ Валентина Ивановна Шапошникова, она кандидат педагогических наук, заместитель директора ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры и спорта. Загляните к ней в рабочий кабинет, в нем вы сможете познакомиться с одной удивительной картотекой. Валентина Ивановна завела карточки на несколько тысяч ведущих легкоатлетов мира и, призвав на помощь терпение, трудолюбие, а вместе с ними — одну из надежнейших теорий — теорию больших чисел, начала свои подсчеты. Электронно-счетные машины, нисколько не обеспокоенные тем, что подумают и напишут о них семиверстовцы, стали выдавать удивительные результаты.

Оказалось, например, что у мужчин скачкообразное повышение спортивных результатов происходит через два года на третий, а у женщин — через год, «у наиболее регулярно выступающих в течение многих лет сильнейших спортсменов мира этот ритм проявляется довольно четко». А еще большие числа говорили, что самый удачный месяц в жизни человека тот, который следует за днем его рождения, а наименее удачный — предшествующий ему.

— К гороскопам решили вернуться? — внутренне ликуя, вопрошали семиверстовцы. — Астрологических предвидений и таблиц долго ждать ли? Не удивимся, многое повидали, так сказать.

По-своему ответила Валентина Ивановна.

В семьдесят втором году, вскоре после окончания Олимпийских игр в Мюнхене, она написала письмо тренеру Виктора Санеева Акопу Керселяну, в котором были такие строки: «В первой половине октября вполне вероятно ждать от Санеева мирового рекорда в тройном прыжке — примерно 17 м 40 см — 17 м 50 см».

«Что за странный совет вы мне даете, уважаемая Валентина Ивановна? Или вы не знаете: только что, в Мюнхене Виктор показал все что мог, завоевал золотую медаль, его тело, сердце и

нервы просят отдыха, Виктор постепенно выходит из формы. Как вы, не будучи знакомой с Санеевым лично, рискуете давать такой совет? Пишете, что давно следите за ним, что он „ярко выраженный частотник“ и что, выйдя на старт „любых соревнований“ через несколько суток после дня рождения, он будет способен показать результат, какой не смог показать в Мюнхене, на который падал пик его формы? Это у вас в Ленинграде серьезные люди, а у нас в Сухуми ведь засмеют, если узнают, что я послушался такого совета. Окрестят астрологом, и так до конца жизни останется со мной это прозвище. И все же вы настаиваете? Из уважения к вам я, тренер Акоп Керселян, иду на эксперимент. Только позвольте, я никому ничего до поры до времени не скажу».

— Ай да Валентина Ивановна, ай да умница, вот удружила, век не забуду! — готов был плясать Акоп Керселян, когда, к полному удивлению его, судей, зрителей и к совершеннейшему удивлению самого Виктора Санеева, он установил новый мировой рекорд — 17 м 44 см.

Вот чем обернулось доверие к ученому и неведомой науке, которой она смело и честно служит.

Прослышали семиверстовцы, что ленинградка готовит докторскую диссертацию, посвященную теории биоритмического прогнозирования. «Мы требуем должным образом квалифицировать попытку привнесения», «а также пресечь», «а также не допустить»...

Жизнь между тем давала один пример за другим того, как подтверждаются взгляды приверженцев биокарт. Во многих автохозяйствах ввели систему биоритмического прогнозирования: в «плохие дни» шоферов не выпускают на трассы, они выполняют подсобные работы. «Правда» написала о том, что в третьем автобусном парке Карагандинского областного автотранспортного управления за год число происшествий снизилось более чем на двадцать процентов. «Заря Востока» сообщала то же самое об одном из автомобильных хозяйств Тбилиси, заметки и статьи на эти темы публиковались в «Литературной газете», «Ленинградской правде».

Что же такое эти счастливые и несчастные дни? Познакомимся со статьей «Биоритмы и тренировочный процесс спортсмена», опубликованной журналом «Спорт за рубежом».

"Учеными разных стран установлено, что жизнедеятельность человеческого организма регулируется тремя периодическими циклами: физическим, эмоциональным и интеллектуальным.

Физический цикл определяет энергию человека, его силу, выносливость, координацию. Длится он двадцать три дня. Первая половина цикла продолжительностью одиннадцать с половиной дней характеризуется повышенной активностью. В этот плюсовой период цикла спортсмены показывают обычно свои лучшие результаты. Именно в этот период, со второго по девятый день, тренер может проверить возможности спортсмена. Большую услугу здесь оказывает тренеру индивидуальная биоритмическая карта. Во второй половине цикла, в течение следующих одиннадцати с половиной дней, спортсмен постепенно слабеет, его резерв мышечной силы истощается, атлет становится менее энергичным, быстрее устает.

Эмоциональный цикл, продолжающийся двадцать восемь дней, характеризует нервную систему спортсмена и определяет его настроение. В первые четырнадцать дней этого цикла спортсмен полон оптимизма, весел, настроен агрессивно, обычно переоценивает свои возможности. Во второй половине периода эмоции спортсмена прямо противоположны — он раздражителен и склонен к критическому анализу своих способностей. Люди, легко возбудимые по натуре, в этом периоде страдают больше других. Обладающие же уравновешенным характером имеют гораздо меньше неприятностей, чем их экспансивные товарищи.

Интеллектуальный цикл, продолжающийся тридцать три дня, определяет творческую способность личности. В первом периоде основное внимание надо уделять теоретической стороне подготовки. Во второй половине цикла, однако, память ослабляется, и с семнадцатого

по тридцать третий день спортсмену следует переключаться, в основном на закрепление уже пройденного материала".

Валентину Ивановну Шапошникову приглашали на международные научные конференции. Ее работам за рубежом было придано значение, которого они заслуживали. Бывшая разведчица артиллерийского полка, кавалер боевых наград понимала, на какую зыбкую стезю ступила; у нее было немало друзей, но и врагов, как и у каждого исследователя-новатора, было вдосталь. Ее работы, позволяющие предопределять годы, месяцы и дни, наиболее благоприятные для роста спортивных результатов, как бы намечали не столбовую, накатанную дорогу, а пока еле заметную тропинку — прямо в гору, к тем высотам, которые кажутся такими труднодостижимыми. Она убеждена, что придет время, когда мы будем по-новому прочитывать то, что написано в обычной анкетной графе: «Число, месяц и год рождения».

В. И. Шапошникова утверждает:

— Если гипотеза о существовании критических и благоприятных периодов в жизни человека подтвердится, то это даст повод задуматься о коррекции образа жизни каждого из нас. Возможно, изменения коснутся годовых рабочих графиков, когда отпуска будут совпадать с критическими периодами, предохраняя нас от излишнего напряжения физических и творческих сил в неблагоприятное для этого время...

* * *

Мне не раз приходилось писать о работах В. И. Шапошниковой. Не раз встречаться с ней в Москве и Ленинграде. Помню горькие периоды в ее жизни, которые были неспособны предсказать никакие биокарты.

Думая о судьбе необыкновенной этой женщины и о той пользе спорту (только ли спорту?!), которые принесут ее исследования, со скрежетом зубовным вспоминаю о людях, которые много лет методично отравляют ей и работу и жизнь.

Семиверстовцы существовали и существуют не только в спортивной науке. Утешение, правда, не из разряда самых убедительных. Они внесли всем нам хорошо памятный «вклад» и в развитие генетики, и в развитие кибернетики, которую именовали не иначе, как «псевдонаукой на службе империалистической реакции». Шахматисты лучше других знают, что такое потерянный темп. Мудрец назвал эту игру трагедией одного темпа.

Сегодня мы говорим с чистым сердцем: спасибо славному прыгуну Фосбюри, многому научившему нас; спасибо мудрому изобретателю системы рейтингов профессору Эло, без которой немыслима сегодня наша шахматная жизнь; спасибо Валентине Ивановне Шапошниковой, смело продолжающей идти непроторенным путем разведчицы, но уже не на фронте, а в науке. Не так прост, не так однозначен человек, как это кажется семиверстовцам, и изучен, к счастью, еще далеко не до конца.

* * *

Итак, Валерий Михайлович Корягин, полковник, с помощью друзей рассчитал биоритмы Анатолия Карпова и довольно точно предрек его успех в первых четырех партиях. От одного своего коллеги он услышал примерно то, что не раз приходилось слышать Валентине Ивановне Шапошниковой:

— Если бы ваши биокарты имели действительно такую силу, то шахматные, как, впрочем, и другие спортивные, состязания потеряли бы свой смысл: что за резон проводить их, если заранее известно, кто победит. Пройдет неделя-другая, и ваши прогнозы ничего, кроме улыбки, вызывать не будут. Корчной — опасный противник (и это признает Карпов), его рейтинг чуть ниже, чем у чемпиона, вспомните, как провел претендент отборочные поединки к матчу, и... даю вам добрый совет, спрячьте подальше вашу таблицу.

Валерий Михайлович тому совету не внял и после четвертой (как и после шестой)

принимал от коллеги «уверения в глубоком почтении».

Нам надо, нам обязательно надо знать каждый факт точного биоритмического прогноза.

Не они ли фундамент той современной отрасли знания, которую все реже называют гипотезой и все чаще теорией?

* * *

Итак, в Мерано счет 3 : 1.

«Теперь я буду только выигрывать!» — заявляет Корчной.

«Матч приобретает новый интерес, а претендент — новый стимул. Ведь этот счет уже встречался в Багио, и ему удалось настичь чемпиона» — к этому сводятся высказывания многих западных газет. Заметно повеселели секунданты Корчного — английский гроссмейстер Майкл Стин и молодой гроссмейстер из США Ясер Сейраван.

Они не скрывают восторга и горячо жмут друг другу руки, когда видят, как в седьмой партии останавливает часы и расписывается на бланке Анатолий Карпов. Потом на лицах секундантов Корчного отпечатывается недоумение. Они ничего не понимают, они убеждены, что судья, объявивший о ничьей, ошибся. Зато удовлетворенно улыбаются секунданты Анатолия Карпова.

Произошел редкий в матчевой практике эпизод.

...Ферзь, две ладьи и конь претендента, играющего белыми, навалились на позицию черного короля. Пожертвовав пешку, белые напали ладьей на черного ферзя. Издали может показаться, что отступить он не имеет права. Однако претендент лучше, чем его секунданты, видит возможность, имеющуюся в распоряжении черных. Он подходит к главному арбитру Паулю Клейну из Эквадора и что-то говорит ему.

Анатолий Карпов рассказывает о том, что произошло дальше:

— Ко мне подошел главный арбитр и передал предложение Корчного о ничьей. Ничья достигалась форсированно ответным нападением ладьи на ферзя. Я принял предложение, остановил часы и не понял, почему в зале раздались аплодисменты. Потом мне сказали, что чуть не весь зал подумал о том, что я сдал партию. После того эпизода судьи решили извещать зрителей о результате партий с помощью табличек.

Не знаю, чему так радовалась английская «Санди таймс», не скрывавшая своих симпатий к Корчному. Написала: «Наш прогноз начинает сбываться». Что это был за прогноз?

После того как претендент одержал победу в шестой партии, «Санди таймс» опубликовала его большой портрет. Гроссмейстер был снят в зеркальных очках, в которых отобразилась, естественно, в зеркальном варианте позиция шестой партии. Рядом был помещен маленький портрет чемпиона. Большая статья называлась «Корчной преисполнен желания двигаться вперед к шахматной короне путем триумфатора». Странное дело, газета, во все времена превозносившая свою собственную объективность и независимость, о всех трех победах Карпова не написала столько, сколько об одной победе Корчного. Ход матча искажался так же, как на фото — позиция, отражавшаяся в зеркальных очках.

У больших и малых оплошностей есть общее свойство — они редко бродят по миру в одиночку, куда чаще — вереницами, дышат в затылок друг другу, окаянные. Стараясь исправить одну, торопливо и эмоционально, знай, что ждет не дождетсЯ своей очереди ее кривобокая сестричка. Будь осмотрителен и помни едва ли не лучший совет Козьмы Пруткова: бди!

После шестой партии, в которой была допущена оплошность, Анатолию Карпову было важно смирить страсти и желание показать другим, а прежде всего себе, что та ошибка — случайность. Разве не соблазнительно обострить игру, ступить на черту риска, а может быть, и переступить ее чуть-чуть, используя преимущество не только быстрого, но и дальнего счета?

Кто-нибудь другой на месте Карпова, возможно, и поступил бы так, но это должен был быть

обязательно кто-то другой, ибо чемпион так не поступает, потому-то, между прочим, он и чемпион. Главное, есть вера в себя, абсолютная убежденность в победе. Никто никого никуда не торопит, наоборот, организаторы матча (в противоположность тому, что было в Багио) радуются каждой новой ничьей: как-никак не так все быстро кончится, как боялись поначалу.

Ничья в седьмой партии — первый шаг «возвращения в норму».

Второй шаг будет для претендента куда более неприятным. Дело не только в том, что Карпов применит дебют, который, как утверждают знатоки, еще ни разу не встречался в матчах на звание чемпиона мира. Новинка имела подтекст: раз Карпов взял на вооружение, значит, изучил основательно, скорее всего, еще вернется к ней, это значило, что противнику надо было потратить много-много часов, чтобы в спокойной домашней обстановке начать искать новые пути защиты в дебюте, изобретенном итальянскими мастерами четыре столетия назад. В первой итальянской приходилось искать за доской. То была непростая игра, она длилась восемьдесят ходов, более девяти часов, претендент дважды попадал в цейтнот, «играл на флажке», но успевал каким-то непостижимым образом сделать контрольный ход и нажать на кнопку часов за несколько секунд до того, как этот флажок должен был упасть. Возможно, это были единственные ходы, уводившие от поражений. Восьмая партия лучше других показала, как силен Корчной в защите.

Позиция была своеобразная: два черных коня только и мечтали о том, как бы отдать себя за одну только пешечку белых, преградить ей путь к восьмой горизонтали, кони же белых преследовали прямо противоположные цели: пешка дорожке собственной жизни, пасть самим, но дать ей свободу — вот, в общих чертах, к чему сводились намерения сторон.

Два коня — сила необыкновенная. Об этом говорят нам этюды международного гроссмейстера по шахматной композиции Гии Надереишвили, главного невропатолога города Тбилиси. В его работах два коня, «хорошо понимающие друг друга», с успехом борются против черного ферзя, поддерживаемого королем, только в той чете согласия нет и быть не может, ибо разбивают его мудрые кони. Но в том-то и величие и парадокс шахмат, что только два коня ничего не могут поделать с одиноким королем. Два же слона, силу которых сравнивают с силой коней, матуют запросто; как это делается, знает любой шахматный пригостишка. Как матуют одни кони, не знает никто. Вот уж поистине, этого не может быть потому, что не может быть никогда.

После того как Карпов выиграл девятую партию, на его имя пришла телеграмма из Магадана с необычным адресом: «Италия, Багио, Анатолию Карпову». Она, естественно, дошла до адресата (как доходили и такие: «Италия, Карпову»). Описка символична: в сознании многих любителей шахмат матч в Мерано — как бы продолжение поединка, проходившего в горном филиппинском городке. Кто знал до матча о Багио? Кто не знает о нем теперь? Та же судьба ждет, без сомнения, и Мерано: шахматы обладают в наш век способностью воздавать сторицей за внимание и любовь к ним.

Чем был примечателен Мерано раньше? Тем, что в окрестностях его живет один бесстрашный и искусный альпинист, первым в мире поднявшийся без кислородного прибора на высочайшую вершину планеты Джомолунгму. Тем, что здесь добывают мрамор редчайших расцветок, из которого построены первоклассные дворцы не только в Италии. Наконец, славу и Мерано, и всей области Альто Адидже принесли виноградники. Но не меньшую известность завоевал Мерано дружелюбием и гостеприимством, сюда едут с охотой — отдохнуть, полечиться; немало говорит и то обстоятельство, что в одной этой области сосредоточена примерно шестая часть всего гостиничного фонда Италии.

Высказывание мэра Мерано Франца Альбера:

— Обычно гостиницы города предлагают туристам из зарубежных стран и других городов Италии около восьми тысяч мест. И все же нам еще далеко до таких всемирно известных курортов, как австрийский Инсбрук или швейцарский Давос. Мы убедились, что главная причина их популярности в том, что в разное время в них проводились выдающиеся спортивные состязания — зимние олимпиады или чемпионаты мира. Это натолкнуло нас на мысль пригласить в Мерано участников финала чемпионата мира по шахматам. Мерано пришлось выдержать нелегкий спор с другими городами... Мы приобрели хороший опыт организации шахматных встреч на высшем уровне: в городе состоялись матчи претендентов.

На этот раз соперничество городов было не столь острым, как в семьдесят восьмом. Какие доводы выдвинул в защиту своей кандидатуры Мерано в споре с городами, которые во много раз превосходят его числом жителей? Около трех десятков различных организаций (среди них — сберегательные кассы) вложили в организацию состязания и выплату гонорара участникам полтора миллиарда лир. Рядом со сценой выставлен приз победителю — три серебряных круга один в другом... Не был ли приз символичным и, так сказать, запрограммированным на определенного победителя? После двух предыдущих победных шел третий круг борьбы Анатолия Карпова за звание первого мастера Земли.

...В беседах с гроссмейстерами, тренерами, специалистами шахмат я старался узнать их мнение об исходе состязания.

Михаил Таль: «6 : 3» (без долгих раздумий, с улыбкой).

Мирослав Филип (Чехословакия), главный судья матча М. Чибурданидзе — Н. Александрия: «6 : 3» (после длительного молчания, с комментарием: «Я даю этот счет, зная, что Корчной выиграл одну партию, она может придать ему новые силы, и он станет опасным»).

Григорий Руденко: «Ясно, что Толя его прибьет с большим счетом, чем в Багио. Вспомните, сколько первых мест взял в международных турнирах трех последних лет Карпов и сколько раз не брал первых, а то и вторых Корчной в турнирах рангом ниже. Будет разница в три или четыре очка».

Георгий Саркисов, директор Краснодарского шахматного клуба: «Счет 6 : 2 наиболее точно отразит силы, Карпов играет в три раза лучше, сегодня это ясно всем».

Позже из прессы стало известно, что, выступая по датскому телевидению, счет 6 : 2 предрекает международный гроссмейстер Бент Ларсен. А другой международный гроссмейстер, Сало Флор, на лекции в Политехническом музее сделал еще более оптимистический прогноз (выражающий существо натуры этого остроумного журналиста) — 6 : 1.

Итальянская пресса, обзвывая период после матча в Багио, назвала его годами Карпова. На витрине одного из магазинов Мерано куколка с букетом цветов двигалась по проволоке между портретами чемпиона и претендента, к чемпиону она была обращена лицом.

...Три года прошло, а как удивительно повторилась ситуация. Группа советских шахматных организаторов и журналистов приехала, как и тогда, на счет 3 : 1. Как и тогда, была суббота. Как и тогда, Карпов играл черными. Как и тогда, выиграл. Причем дал партию, которая запомнится ничуть не меньше, чем ставшая знаменитой семнадцатая партия на Филиппинах.

Сперва Корчному надо было защитить пешку в центре. С этой задачей он справился, но тотчас возникли проблемы на ферзевом фланге, где пришлось защищать ладью, вдруг потерявшую всю свою дальнобойную силу и взывавшую о помощи. Для этой цели пришлось отправить в дальнюю экспедицию ферзя. Ладья оказалась прикрытой, но король, что стало с голым королем!

В пресс-центре легкое возбуждение. Грустно смотрит на телеэкран с позицией после тридцать первого хода Сейраван, молодой, симпатичный и, как говорят, не по годам сильный шахматист, надежда Америки. Знаменитый аргентинский гроссмейстер Мигуэль Найдорф (он играл едва ли не со всеми чемпионами мира последнего полувека) и не менее знаменитый как спорщик предлагает пари: десять долларов против пятидесяти, что белые не продержатся и десяти ходов. Флегматично, словно по привычке, протягивает ему руку американский гроссмейстер Арнольд Денкер, пари заключено. У Денкера свой довод: ясного пути реализации позиционного преимущества черных не видно.

Не видно не только гроссмейстерам, склонившимся над партией в пресс-центре. Не видно и в третьем зале, рассчитанном человек на триста, где помогает зрителям разобраться в тонкостях позиции чехословацкий гроссмейстер Властимил Горт; «ходов двенадцать назад» он довольно точно предсказал развитие событий, то и дело обращаясь к дамам и господам с просьбой корректировать его и предлагать свои варианты. «Давайте посмотрим, что можно посоветовать черным». Хода, который обдумывает Карпов и который последует через несколько минут, не видят и здесь.

Ко мне подходит специальный корреспондент «Труда», шахматный судья международной категории Юрий Зарубин и говорит:

— Знаете, похоже, что Корчной спит...

— Интересно поглядеть на него, когда он откроет глаза.

Дело в том, что Карпов сделал ход, который мало кто ждал. Он ушел ферзем в свой собственный лагерь на последнюю клетку вертикали «е». Вот когда задвигались быстро, как в мультфильмах, фигуры на досках в пресс-центре. Торжествующе посмотрел на Денкера Найдорф. Даже флегматичный американский гроссмейстер Роберт Бирн, не отходявший от своей электронной пишущей машинки и с пунктуальной методичностью отстукивавший на ней каждый ход, чтобы тотчас передать его в свою редакцию, оживился и позволил себе спросить:

— Между прочим, что посоветовать белым?

— Дорог хороший совет, — печально отвечает Денкер. Похоже, он признал свое поражение.

В отличие от него, претендент делать это не спешит. Идут его часы, а он не открывает глаз. Сеанс экстрасенса? Говорят же, что за отелем, где живет Корчной, есть небольшая площадка и что будто бы там находятся в эти минуты его парапсихологи, посылающие ему свои «атомные

лучи». Когда же посмотрел на доску... взор «являл живую муку». Если бы я не знал его, все, что он сотворил, честное слово, сострадал бы ему, ибо ничего другого человек с таким выражением на лице не заслуживал. Казалось, что Корчной корил себя за то, что вернулся «из небытия» в действительность. Действительность предстала перед ним в виде позиции, рассеченной тяжелыми фигурами черных на две половины. Корчной понял всю мощь тихого на вид отступления ферзя.

В это время к Стину подошел запыхавшийся мальчик с диктофоном за плечом и спросил:

— Наших слушателей очень интересует... не могли бы вы сказать, есть ли у Корчного надежды на выигрыш и этой партии, и всего матча... редакция попросила меня сегодня же разыскать вас, я только что получил телефонограмму.

— Мне кажется, — ответил, демонстрируя истинно английскую невозмутимость, гроссмейстер, — ваши коллеги могли бы подыскать более подходящее время для такого интервью. — И Стин показал головой на экран телевизора с позицией после тридцать седьмого хода черных.

Корреспондент, выдавший свои симпатии и надежды вопросом, непонимающе уставился на экран, для близора сощурил глаза; я готов был дать руку на отсечение, что он ни черта не смыслил в шахматах, ибо его лицо не выражало ничего.

Теперь Корчной напоминал монахиню, отбивающую поклоны, — так часто наклонялся он к часам для того, чтобы выяснить, сколько осталось у него минут на три последних хода.

Вместе с минутами таяли надежды...

Его заявление: «Я больше не проигрываю» — подвергалось мучительному испытанию.

Начиналась заключительная стадия партии, которую можно было бы назвать «Вторжение». Сороковым ходом Корчной объявляет ладьей шах. Карпов отходит королем, партию можно откладывать. Но у претендента появляется ничтожнейший шанс: через два хода он оставит ладью под боем, и, если Карпов позарится на нее, возможен вечный шах.

Вспоминаю Багио. Там было несколько партий, например двадцать пятая, которую чемпион наверняка выиграл бы, если бы сделал элементарный ход «для откладывания». Вот что писал о ней в книге «В далеком Багио» Анатолий Карпов:

«В стратегическом отношении 25-я партия до определенного момента может считаться, пожалуй, моим лучшим достижением в матче. В результате длительной маневренной борьбы мне удалось переиграть соперника и полностью захватить инициативу. Теперь все интересуются, почему я не выиграл ферзя за ладью и слона на 36-м ходу. Неужели не видел? Конечно, видел и даже понимал, что, отбери я ферзя, остальное будет, как говорят, делом техники, и наверное, несложной. Но я решил, что позиция настолько хороша (а Корчной опять-таки был в цейтноте), что надо как-то выигрывать партию сразу. Потому что если я заберу ферзя, то сначала два хода уйдут на размены, потом он еще два хода автоматически сделает, цейтнот тогда закончится, и мне снова дома придется анализировать отложенную позицию. Вероятно, и впрямь были продолжения, которые вели к чистой победе. Но тут я сделал один „безразличный“ ход королем, потом разменялся пешками и напал ладьей на неприятельскую пешку. До этого хода я сохранял выигрыш, а эта грубейшая ошибка (опять расслабился!) едва не повернула характер борьбы на все 180 градусов. Хорошо еще, что претендент, по инерции, вероятно, сделав после контроля 41-й ход, не до конца воспользовался случайно подвернувшимся ему шансом».

Теперь таких шансов у претендента куда меньше.

Карпов тоже не выражает желания отложить партию — маленький, но выразительный психологический подтекст таков: белые питают иллюзии: несомненно, видят выигрыш черных и сохраняют маленькую надежду на то, что они его не видят. Сейчас белые сделают единственный

ход, защищающий от мата, и тогда последует форсированный выигрыш ферзя.

Поставив противника в безвыходное положение, Карпов не отказал себе в удовольствии бросить на того взгляд. Судя по всему, удовольствие быстро прошло. Даже начинающему шахматисту было ясно, белым надо сдаваться, а человек, претендующий на звание первого шахматиста мира, продолжал сидеть и думать. Так сидел он минуту, вторую, третью, потом порывисто расписался на бланке и на ватных ногах удалился со сцены. Раздались аплодисменты. Карпов дал одну из лучших партий матча. Счет, как и в Багио, стал 4 : 1. Только не после семнадцатой, а после девятой партии.

— Что бормотал во время партии Корчной? — спросили Карпова на дружеской встрече.

— Ругался, — невозмутимо ответил он.

— Выработали ли вы какое-нибудь противоядие против этих выходов?

— Я смотрю на него и улыбаюсь. Он не выносит, когда я улыбаюсь. В таких случаях он окидывает меня испепеляющим взглядом и встает из-за столика. Но я улыбаюсь только тогда, когда он ругается.

Позже, после окончания матча, Карпов скажет:

— Я готовился к борьбе с упорным, опасным, трудным противником, имеющим огромный практический опыт. Он решительно пользуется малейшей ошибкой, малейшим расслаблением со стороны соперника. К этому надо добавить, что в каждом своем сопернике он видит личного врага. Это чувствовал и знаю не только я, но и другие его соперники. Играть с Корчным поэтому не только неприятно, но и трудно. В своей подготовке я все это, конечно, учитывал и легкой жизни за доской против такого противника не ждал.

...Сколько миллионов ценителей шахмат во всем мире уже на следующий день получают возможность проникнуть в замыслы чемпиона, полюбоваться красотой архитектоники девятой партии. Есть великое преимущество у древней игры: с телетайпной скоростью облетает партия планету, ее можно разыгрывать ход за ходом, можно брать ходы назад и спрашивать себя, а где же, на каком ходу грубо ошибся претендент. И вдруг оказывается, что видимых ошибок он не допустил, во всяком случае, комментируя партию, Михаил Таль не отметил вопросительным знаком ни один из его ходов. Зато четыре восклицательных знака стоят рядом с ходами Карпова.

На следующий день после поражения Корчной объявил о созыве очередной пресс-конференции. Народная мудрость резковато, но зато довольно точно сформулировала ситуацию, при которой не следует чирикать. Оправдание Корчным предыдущих поражений давно навязло в зубах. Очевидно, хорошенько поразмыслив и поняв, насколько бесполезны стенания при счете 1 : 4, команда Корчного неожиданно отменила конференцию.

Одно из этих «оправданий» обошло западную прессу еще во время матча в Багио. «Мне трудно на равных играть с Карповым потому, что за ним вся Красная Армия». Не договорил самоизгнанник! За Карповым, членом спортивного клуба армии, давшего миру многих выдающихся мастеров, не только Советская Армия. За ним — страна.

Перед вылетом в Мерано услышал по телефону — отчетливо и ясно — знакомый голос. А это откуда-то из-за Гибралтара по спутниковой связи звонил Юрий Михневич, капитан теплохода «Шота Руставели»:

— Передайте, пожалуйста, Анатолию Евгеньевичу, что, где бы ни находились, будем с нетерпением ждать вестей из Мерано. Пожелайте ему удачи.

Я представил себе сидящего у аппарата и жадно принимающего ходы из Мерано радиста Юру Назарова, кандидата в мастера и чемпиона теплохода. Через несколько минут эти зашифрованные поискуснее, чем в азбуке Морзе, ходы «отпечатаются» на многочисленных досках в кубриках, матросском клубе, офицерских каютах. Сколько моряков, свободных от вахты, сядут чинно и неторопливо за разбор партии, она принесет хорошее настроение, а

хорошее настроение, оно так нужно морякам, долгие месяцы оторванным от родных очагов.

Из Краснодара, города, начавшего всесоюзное движение за массовое развитие шахмат, позвонил школьный друг Георгий Саркисов, директор местного шахматного клуба. Знаю, какую роль сыграли в труднейшем его детстве шахматы, как помогли перенести горе, найти себя. И теперь он тоже по-своему старается ответить им. Анатолий Карпов, редактор журнала «64», многое сделал для того, чтобы поддержать почин кубанцев (вспомним среди прочего его большую статью в «Правде»). Удивительно ли, что теперь и кубанцы, как и уральцы, и туляки, и сибиряки, и ленинградцы, и москвичи, считают его своим?

— Передай Карпову, что после победы снова ждем его в гости, — говорит Саркисов. — И еще, если нетрудно, привези для нашего уголка открытку из Мерано с его автографом.

Потоки благожелательности, которые ощущал ежедневно Карпов, несли ему бодрость и оптимизм, умножали ответственность, укрепляли уверенность в победе.

Газета «Темпо»: «При появлении Карпова в зале раздалась самая настоящая овация. В Мерано прибыли советские туристы, которые приветствовали своего чемпиона бурными аплодисментами, как это бывает при открытии съездов партии. Карпов, увидев такую поддержку, слегка улыбнулся. Советские люди испытывают большую уверенность в превосходстве своего чемпиона».

Газета «Джорнале»: «Печальна атмосфера, наблюдаемая в стане Корчного. Вытянутые лица его секундантов и помощников объясняются не только четвертым по счету поражением претендента, но и его игрой».

Газета «Спорт» (Югославия): «Корчной явно не имеет сил оказать достойное сопротивление, не говоря уже о возможности совершить подвиг. Он играет без плана, но питает ничем не оправданные иллюзии, и все его угрозы накануне матча — победить — приобретают сегодня совсем другое значение. Стало ясно, что „Страшный Виктор“... безопасен для чемпиона Анатолия Карпова с его виртуозной, непогрешимой техникой».

* * *

Есть состязания, которые длятся считанные мгновения. В них торжествует характер, способный к взрыву. Десять секунд от старта до финиша... один только вдох... задержанное дыхание... и выдох (или вздох), и трибуна, мимо которой промчались бегуны, свидетельскими своими аплодисментами подтверждает судейский вердикт: состязание окончено, чемпион определен. Триумфатор, вскинув руку, продолжает (теперь уже трусцой) бег мимо трибун, вдогонку за ним устремляются кино-, теле- и радиокорреспонденты, к нему тянутся с микрофонами:

— Вы счастливы?

— Да, я счастлив!

Есть поединки, которые длятся долгие часы.

Марафон или лыжная гонка на семьдесят километров — испытания для немногих, постигших таинство второго дыхания, — стали эталоном выносливости и мужества.

А еще есть состязания, отмеченные высшим напряжением, матчи на первенство мира по шахматам, которые длятся месяцами и которые требуют...

Длинным был бы перечень качеств, издавна ценимых в человеке и приобретших особое значение в наш век всеобщих перегрузок. На первое место в том перечне в одном ряду с талантом справедливо было бы поставить искусство сохранять спокойную уверенность и достоинство, когда дела идут хорошо и когда они идут плохо. Не размагничиваться и не терять лица, продолжать верить в свое умение и в свою волю. Заставлять себя отбрасывать настырно являющуюся мысль — что будет, если проиграю, и помнить, что от воображаемого поражения до поражаемого воображения — дистанция в вершок, не более.

Матчи в Багио и в Мерано за звание чемпиона мира могут быть без всяких натяжек отнесены к разряду одного из самых значительных противоборств, которые знает история шахмат. И спорта вообще.

Качества, проявленные Анатолием Карповым, хорошо говорят молодому человеку, вступающему в жизнь, кому улыбаются покровительница шахмат Каисса и ее близкая родственница Фортуна: торжествовало не просто искусство «дальнего шахматного счета», торжествовали стойкость, самообладание, непреклонность. Можно лишь пожалеть, что их не дано описать с такой же точностью, как записывают шахматную партию.

Анализ партий в Багио, сделанный выдающимися мастерами, новые победы, одержанные чемпионом в международных турнирах, свидетельствовали о закономерности и мудрости «выбора в Багио». Мерано должно было подтвердить ту закономерность. Счет 4 : 1. Победа, желанная провозвестница спокойных ночей, близка.

* * *

В плане поездки нашей группы было написано: Рим — три дня, Мерано — семь (три партии плюс два дня доигрывания), Милан — два. Расписание выдерживалось идеально: нам показали все, что обещали, возили в горы и долины, водили в музеи и храмы, при всем том мы заранее знали, что не вся программа будет выполнена полностью, отнюдь не по вине «Интуриста» и его итальянских коллег (которые, с благодарностью пишу об этом, сделали все, чтобы двенадцать дней, проведенных в Италии, были и познавательными и полезными). Просто потому, что у нас был небольшой опыт Багио. Туда, на край света, мы летели, чтобы посмотреть три обещанные партии. Но претендент, проиграв при нас семнадцатую, исчез из города, заявив, что не хочет доставлять «им» удовольствие. «Им» — это значило «нам». Он взял один за другим два тайм-аута. Теперь права на такую роскошь Корчной уже не имел. Но один тайм-аут он все же взял.

Десятая партия напоминала бесконфликтную пьесу с заранее известным концом, итальянская партия была лишена экспрессии, свойственной итальянскому характеру. В тот вечер подумалось: такую партию вполне можно было бы смотреть дома. Между тем она имела свой подтекст.

В лагере Карпова шла напряженная работа, связанная с поиском инициативы в испанской партии, в открытом ее варианте. Два хода, найденные, всесторонне проверенные и изученные в эти дни, когда внимание претендента было переключено, если так можно выразиться, с Пиренеев на Апеннины, должны были сыграть решающую роль на заключительной стадии матча.

Готовил новое оружие и претендент.

Только оно было из разряда тех, о которых упоминают отчеты не о шахматных состязаниях, а о криминальных разбирательствах.

Десятую, мирную с вида партию Корчной рассматривал как репетицию.

Как это понимать?

После десятой партии чехословацкая газета «Руде право» писала:

«Мы не знаем, что еще можем ожидать от Корчного, не можем себе представить, на что способен этот человек. Пока апогеем были его действия в девятой и десятой партиях. Чемпиону мира во время этих двух партий пришлось пять раз поднимать руку в знак того, что он просит главного судью подойти к игровому столику. В ходе игры Корчной по-русски ругал Карпова».

Чемпион мира, продолжает «Руде право», своим лидерством и особенно своим корректным поведением завоевал много новых поклонников. «Его игра и пребывание в Мерано находятся в резком контрасте с поведением Корчного».

Итак, «мы не знаем, что еще можем ожидать от Корчного, не можем себе представить, на

что способен этот человек».

Проигрывая матч, дающий ему «последний жизненный шанс», со счетом 1 : 4 и понимая, что спокойное течение поединка приведет лишь к закономерному финалу, претендент во время двенадцатой партии бросил в лицо чемпиону гнусное, оскорбительное слово. Элементарной реакцией на такое слово во все времена была пощечина, независимо от того, где, при какой аудитории и при каких обстоятельствах нанесено оскорбление. Как наказание наглецу, как мгновенная разрядка, помогающая приглушить боль обиды и очистить от нее душу.

Не шел ли Корчной на пощечину сознательно? Как-никак его ругань услышали в первом, ну еще во втором ряду конгресс-зала. Пощечину увидел бы весь мир. Скорее всего, матч был бы сорван, а Международная шахматная федерация, терзаемая противоречиями, разбилась бы на два непримиримых лагеря (не секрет, что идею раскола уже давно вынашивал претендент), еще неизвестно, кому присудили бы корону. Если Париж стоит мессы, то, может быть, и шахматная корона стоит полученной пощечины — не так ли рассуждал «шахматист номер два»?

Анатолий сдержался. Только побледнел, а большие телевизоры, установленные в залах, показали, как едва заметно заиграли его скулы. Что же было дальше? К столику подошел судья, положил руку на плечо Корчного и отечески ласковым взглядом подкрепил свою просьбу успокоиться. Карпов недоуменно и колко взглянул на арбитра.

Мог ли после этого эпизода спокойно считать за доской чемпион? Если бы мог, был бы не живым и восприимчивым молодым человеком, а бесчувственным роботом. Думаю, не ошибусь, если напишу, что и двенадцатая, и последовавшая за ней партия были худшими его играми.

Не на это ли рассчитывал, не в это ли тайно верил Корчной?

Советская делегация подала решительный протест. Жюри решило: в случае повторения подобной выходки Корчной будет оштрафован на крупную сумму. Однако позднее «инстанция», имеющая на это право, сняла предупреждение, мотивируя свой «ход» нежеланием «заранее определить размер штрафа в случае повторного нарушения». Вполне допускаю, что преследовалась цель — вернуть матч в спокойное русло. Но не значило ли это, что Карпов должен был быть готовым к новой выходке претендента? Любому шахматисту известно, как выбивают из колеи самые маленькие неприятности, шахматы — игра на предугадывание ходов противника — не имеют ничего общего с такого рода предугадыванием. Терпение труднее, чем что-нибудь на свете, переносит несправедливые испытания и имеет свои пределы, давно уже превзойденные и чемпионом, и его товарищами по команде.

Все поведение претендента во время подготовки к состязанию, все его слова, и произнесенные и написанные, были прелюдией к атаке, не имеющей наименования в шахматной терминологии, атаке бесчестной, рассчитанной, против Карпова, его тренеров, его школы, его страны.

И тут нельзя не сказать об одной книге, с которой явился в Мерано претендент.

Газета «Республика»: «Корчного в эти дни можно было увидеть в Мерано со свежим оттиском автобиографической книги „Антишахматы“, в которой он рассказывает свою историю о матче с Карповым трехлетней давности. Многие увидели в этой книге нечто вроде фактора психологической подготовки претендента к продолжению поединка».

Как мягко все сказано, однако!

У этого издания, вышедшего на девяти языках тиражом в пятьсот тысяч экземпляров, один только положительный герой — человек кристальной чистоты, яркого таланта и нестигаемого гражданского мужества (предоставляю читателю самостоятельно расставить кавычки над каждым из этих определений). Излишне говорить, что этим героем является сам автор книги. Другие же действующие лица ее, в том числе организаторы матча в Багио, члены судейской коллегии и апелляционного жюри, даже тренер Корчного... слово «прохвост», вертящееся на

языке, даст читателю лишь отдаленное представление о тех эпитетах, которыми награждает всех и вся распоясавшийся претендент. Такое произведение могло выйти из-под пера человека, страдающего острой формой мании величия. В рекламах Мерано говорилось о том, что на этом курорте среди прочего можно избавиться от страданий души и навязчивых представлений. Можно было подумать, что пребывание в Мерано, с одной стороны, успокоит, а с другой — отрезвит претендента. Этого не произошло. Все антишахматное поведение находилось в строгой гармонии с позицией автора «Антишахмат».

Корчной, в отличие от всего шахматного мира, имеющего привычку мерить вес мастеров и гроссмейстеров на очки, считает себя первым шахматистом земли. Это значит, он играет совершеннее всех. Раз так, он, естественно, никак не должен был проигрывать в Багио. Но он проигрывал. Значит, есть что-то не то в существующей системе выявления сильнейшего, раз она допустила вмешательство в ход борьбы... потусторонних сил, с которыми (в это хочет заставить поверить читателя претендент) «у советских давно налаженные дружеские контакты и абсолютное взаимопонимание». На что, мол, только не идут эти материалисты, для того чтобы перехитрить бедного претендента и вновь подтвердить преимущество советской шахматной школы, «составляющей предмет их особой гордости».

Вся советская делегация в Багио, если верить «Антишахматам», состояла из одних магов и каратистов. Главным магом был профессор Зухарь, которого Корчной рекомендует как «известного в СССР специалиста в поддержании парапсихологической связи с космонавтами, находящимися далеко от Земли». Догадывайся, читатель, как значителен сам по себе Корчной, раз ради него отключают профессора от столь сверхсерьезного, космического по масштабам занятия. Одно только становится неясным читателю: для чего надо было профессору отрываться от дел и ехать в Багио, если он обладает столь волшебным искусством передачи мысли на расстоянии?

Как же, однако, передавались «атомные приказы» Карпову? Ответ не сложен: «Под пышной шевелюрой чемпиона, кстати не так давно выращенной, находятся вживленные в мозг электроды для усиления этой (парапсихологической) связи».

Но сам Корчной не так прост, как думают некоторые. Очень скоро по совету своих друзей из секты «Ананда Марга» он находит сильнодействующее противоядие. При встрече с Зухарем в фойе, перед партией, «я говорю ему пару слов на санскрите. Он, не дойдя до меня, закрывает лицо и голову руками и уходит. Я учусь на волшебника». А учат его «два милейших человека» — Стивен Двайер и Виктория Шеппард, «познавшие суть вещей и суть слов». Но уже из другого источника мы узнаем, что эти два «учителя» были осуждены филиппинским судом за террористическое покушение на первого секретаря посольства Индии в Маниле и временно освобождены из тюрьмы под залог. В ответ на письмо-протест руководителя советской делегации в Багио организаторы матча известили всех официальных лиц: «Мы решили запретить вход на партию Карпов — Корчной лицам, обвиненным в преступной деятельности... Мы сожалеем, что г-н Корчной имел несчастье избрать таких людей, имеющих такие обвинения. Поэтому мы предлагаем обеспечить его лицами с равноценными, если не лучшими способностями, чтобы он успокоил свой ум и укрепил волю к победе, даже если потребуются выписать таких людей из-за границы».

Таких людей, вернее, такого человека тайно выписал сам претендент. Прочитаем, чем он объясняет свой первый выигрыш в Багио. «Дело в том, что к одиннадцатой партии прибыл мой психолог М. Бергинер из Израиля и, никем не признанный, спокойно занял место в пятом ряду». Естественно, он не сидел просто так, а активно нейтрализовал «таинственные сигналы», посылаемые чемпиону из зала.

Значит, психологу Корчного можно было сидеть в пятом ряду, а психологу Карпова нельзя?

Помню скандал, который затеял перед семнадцатой партией в Багио претендент, требуя пересадить в глубину зала профессора Зухаря. Ему пошли навстречу — сегодня оказывается — совершенно зря. Продолжал бы сидеть г-н Бергинер в своем пятом ряду до конца матча, ведь никто не протестовал. Почему же тогда отправил его обратно домой сам претендент? Потому что все многозначительные рассуждения Корчного о вмешательстве парапсихологов в ход матча — сказки для детей дошкольного возраста, в которые сам он не верит. Все это было нужно «не успокоившему свой ум» гроссмейстеру для того, чтобы хоть каким-то образом оправдать поражение, принизить победы Карпова, зародить у непросвещенного читателя подозрения в их честности и закономерности.

Чего стоят, например, такие строки в «Антишахматах», посвященные тридцать второй партии в Багио: «Я подготовил вариант, вернее — новый ход в известном, хотя и не очень легком варианте. Я анализировал его много дней, я рассчитывал на психологический эффект новинки. Каково же было мое удивление, когда Карпов в критический момент ответил не думая. Он знал этот ход, более того, я почувствовал, что он знал — именно это я подготовил сыграть сегодня!» Тут уж Корчной не щадит своего секунданта, высказывая предположение, что это он донес секретный ход до чемпиона. «Я почувствовал себя нехорошо». Будучи предателем по духу, он готов заподозрить в предательстве кого угодно. Тут к месту было бы вспомнить Плутарха, утверждавшего: «Предатели предают прежде всего себя».

А что еще помешало Корчному завоевать в Багио шахматную корону?

«После десятой партии я обнаружил, что на счетчике Гейгера, который я носил с собой на игру, показания поднялись на 30 единиц». Кровь холодеет, когда узнаешь, к каким ухищрениям прибегала советская делегация, чтобы вывести в чемпионы Карпова. Ну а как же тогда сам чемпион? Или для него был скроен специальный антирадиационный костюм? И как другие члены советской делегации — или они сознательно жертвовали собой (ведь радиация в зале не могла не коснуться и их!) ради достижения вышеназванной цели? Корчной об этом умалчивает.

Есть в книге «Антишахматы» такая фотография: выполняя одно из упражнений йогов, претендент стоит на голове. За сценой умильно наблюдают его дружки из «Ананда Марга». Иллюстрация символична: все в книге поставлено с ног на голову, остается только дивиться тому, сколь легковерно откликнулись на книгу некоторые правые газеты, как смаковали факты, рожденные болезненным воображением претендента.

— А что... — говорит итальянский журналист, — зато посмотрите, какой интерес к матчу. Вы помните, как украли «Золотую богиню», главный футбольный приз, перед чемпионатом мира в Англии, какой поднялся шум во всем мире. На самом деле воришку надо было благодарить — лучшую рекламу чемпионату было и не придумать... Кстати, говорили, что та кража была подстроена, опять же с рекламными целями.

Когда-то первая в мире газета родилась недалеко от Мерано, в Венеции, называлась так по имени самой мелкой монеты — газетты. Теперь не те тиражи, да и оперативность не та, но прочитаешь, что пишут некоторые издания о матче, и думаешь, а ведь осталась грош цена.

* * *

В Москве, в Центральном шахматном клубе, смотрим поступившую накануне ночью запись тринадцатой партии. По радио успели объявить, что у Карпова была на двадцать девятом ходу возможность спасти партию шахом конем. Мнения разделяются. Гроссмейстер Юрий Авербах, например, показывает вариант, найденный прямо за доской, в котором белые как будто все же добиваются победы. Но тут же находится эффектное возражение со стороны черных, чуть не форсированно приводящее к ничьей. Чтобы Карпов не нашел его? Быть может, ему снова стало плохо «считаться». Не достиг ли цели выпад Корчного?

Беседую с В. А. Ивониным.

— Как провел Карпов дни после тринадцатой партии? Что было сделано для того, чтобы помочь ему вернуться в форму?

— У нас уже был опыт Багио. Посовествовались, решили, что Анатолию полезно на какой-то срок сменить обстановку, впитать в себя новые впечатления, одним словом, развеяться. Только на этот раз поездка была не столь длинной, как из Багио в Манилу, в Венецию. Необычный город на воде с бесчисленным множеством каналов, со зданиями редкой архитектуры, его соборы, музеи — все это само по себе оставляет яркие впечатления, дает пищу наблюдательному уму. Анатолий был сдержан, о шахматах и самом матче по молчаливому согласию не вспоминали. И эта поездка, и поздравления, которые ждали членов делегации, когда они вернулись в Мерано (к 64-й годовщине Октября окружной комитет Итальянской коммунистической партии прислал Анатолию букет из шестидесяти четырех красных гвоздик), и телерепортаж о праздновании 7 ноября в Москве, передававшийся итальянским телевидением, — думаю, не преувеличу нисколько, если скажу, что все это и настроение Анатолию подняло, и силы ему прибавило.

Предстояла четырнадцатая партия.

Должна была дать, не могла не дать результата напряженная аналитическая работа по усовершенствованию игры белыми в открытом варианте испанской защиты.

* * *

Дискуссия, развернувшаяся в Мерано вокруг этого варианта, представляет несомненный интерес.

Вспомним, до Багио и в нескольких партиях Багио вариант был главным оружием претендента в игре черными. Надо было выбить его из рук. Выбили. Но время идет вперед, не стоят на месте, развиваются — нет предела их развитию — шахматы.

Это благородное поле применения сил и способностей не только игроков и тренеров. Это бескрайнее поле деятельности для тех, кто работает над новыми поколениями электронно-вычислительных машин, кто исследует теорию игр применительно к Большим Играм — жизни, для тех, кто исследует процессы умственной деятельности и кто пробует описать движение мысли и движение души, «когда все идет хорошо» и «когда все идет плохо».

Говорят, что шахматы так же бесконечны и многообразны, как мир. Чтобы сравнение было точным, надо определить, что понимается под словом «мир». Если одна только наша планета, то сравнение будет недостаточно точным. Математики утверждают, что количеством допустимых расстановок маленькая, всего из шестидесяти четырех клеток, доска соперничает с количеством атомов во Вселенной.

Как, когда и какой сделать ход — едва ли не главное жизненное искусство — тоже очень близко шахматам. И разве не от них великая отличительная черта всех незаурядных людей — искусство «выходить из поражения»?

Михаил Таль писал о судьбе открытого варианта: за три только года, прошедших после матча в Багио, «усилиями гроссмейстеров Е. Геллера, А. Юсупова, а также бакинского мастера Сидеиф-заде эта система вновь реабилитирована. Указанное трио является основным поставщиком дебютного материала по всему варианту».

Корчной в своих «мемуарах» предпочитает не вспоминать, что дала ему советская шахматная школа, сколько людей, начиная от шахматного кружка Ленинградского Дома пионеров до сборной страны, помогало ему бескорыстно, как это принято у нас и как это не принято у них (консультанты Корчного получают наличными чуть не за каждую идею), развить шахматный талант. Что был бы Корчной без тех учителей? Но и сегодня он с пристальным вниманием продолжает изучать разработки советских теоретиков, знает, без такой кропотливой учебы за доску с гроссмейстерами не садись. «Я изучил русский язык, чтобы лучше знать

теорию», — писал Роберт Фишер. Разве не то же самое могли бы сказать о себе гроссмейстер Бент Ларсен из Дании, гроссмейстер Мигуэль Найдорф из Аргентины, гроссмейстеры Властимил Горт и Мирослав Филип из Чехословакии, гроссмейстер Лайош Портиш из Венгрии и многие-многие другие? Корчному легче, не надо тратить много времени, чтобы вчитываться в текст, природная восприимчивость помогает ему на лету подхватывать идеи, а работоспособность — проверять и развивать их. Не будем принижать его шахматного таланта, звание второго гроссмейстера в мире говорит само за себя. Он силен, победа над таким соперником — тяжелое испытание. Борьба идей. И увы, война нервов.

Итак, вспомним, шестую по счету партию (открытый вариант испанской партии) игравший белыми Карпов проиграл.

В следующей четной партии чемпион вывел на третьем ходу слона на одну лишь клеточку ближе. Казалось бы, какая разница? Но так мог бы подумать разве что наш знакомый детектив со знаком журналистской аккредитации, не «слишком очень хорошо» отличавший ходы ладьи от ходов слона. Вместо испанской партии на сцену выходила партия итальянская, кардинально менявшая всю картину боя и диспозицию противоборствующих сторон. Ничья на восьмидесятом ходу.

И еще раз — в десятой партии — избрал чемпион итальянское начало. И снова белый цвет и право выступки не принесли ему удачи. На этот раз ничья была зафиксирована уже на тридцать втором ходу.

...Не могу со всей определенностью сказать, почему так редко встречал я в Мерано секундантов чемпиона гроссмейстеров Юрия Балашова и Игоря Зайцева, но думаю, что эти крупные теоретики не занимались обзором окрестностей. Анатолию Карпову, его секундантам и консультантам гроссмейстерам Михаилу Талю и Льву Полугаевскому уже на месте, в Мерано, надо было искать варианты, которые доказали бы, что белый цвет — всегда белый цвет, что возможности «испанки» безграничны. Шла работа не только во славу чемпиона, но и во славу шахмат. Быть может, громко прозвучит — и во имя их бессмертия, — но разве не так?

Насколько плодотворно шла работа, насколько удачным оказался сплав?

После матча Анатолий Карпов скажет:

— Я остановил свой выбор именно на этих гроссмейстерах не только потому, что они обладают глубокими теоретическими познаниями и большой практической силой. Принимая во внимание два предыдущих матча с Корчным, который, как особенно показал поединок в Багио, мог прибегнуть не только к шахматным средствам давления, я должен был находиться в обществе единомышленников, в обществе людей, которые симпатичны мне и которым симпатичен я. Убежден, что я оптимально решил эту очень важную проблему, когда комплектовался состав нашей делегации. Насколько могу судить, мой противник эту проблему решить не сумел. Думаю, во многом из-за его личностных качеств. Состав его помощников в ходе матча менялся. А коней, как известно, на переправе не меняют.

Предупредительность, взаимопонимание, готовность делать добро — эти качества, издавна отличавшие единомышленников, приобрели в пору резко обострившейся спортивной конкуренции особый вес.

Маленькая деталь, характеризующая готовность «делать добро».

Среди советских журналистов, приехавших в Багио, был мой знакомый К. Заметили — в последние дни августа он ходил грустным. Одним только ухом услышал Михаил Таль, что сын К. держал приемные экзамены в Московский университет, что оставалось ему сдать последний предмет и что нашему товарищу должны были позвонить и сказать о результате. А ему не звонили. Поздно ночью постучал в номер К. Михаил Таль. Стеснительно извинился за то, что разбудил, и, словно в оправдание, сказал:

— У меня, кажется, была уважительная причина, я пришел поздравить вас. Ваш сын получил пятерку и зачислен...

— Спасибо, дорогой Миша. Но как вы об этом узнали?

— Пока московская стенографистка принимала мой материал, я попросил друзей позвонить к вам домой и вскоре сам по другому телефону говорил с сыном. Они вас не известили потому, что экзамен перенесли на два дня.

Я предоставляю читателю догадываться, сколько теплоты хранит с той поры к славному человеку Талю журналист К.

* * *

Четырнадцатая партия падала на 9 ноября, день рождения Михаила Таля. Я не думаю, что был в советской делегации человек, который не поздравил бы его самым искренним образом. Готовил подарок и Карпов. Только «вручение» его откладывалось на вечер.

Как и три года назад, с четырнадцатой партией связывались особые надежды. Как и в Багио, в ней была применена дебютная новинка. Нельзя сказать со всей определенностью, что никто никогда не играл так: **13. Ke4**. Скорее всего, играли, а потом кто-то один решил извлечь этот ход с запыленных полок шахматных архивов и посмотреть со всех сторон, а что, если...

Претенденту предоставлялась возможность самому, уже за доской, находить ходы, которые были многократно просмотрены, проверены, отвергнуты, признаны лучшими в дни подготовки к новой интерпретации открытого варианта.

Претендент и искал. Сколько минут? Счет не на минуты. Тринадцатый ход отнял у него час и еще около двадцати минут. Говоря иными словами, почти половину того, что отпускается партнерам на сорок ходов. На каждый из остальных — до откладывания оставалось лишь по две минуты.

Теперь постараемся ответить на вопрос: насколько продуктивно искал лучшие продолжения Корчной? Этот ответ очевиден: уже через три хода претенденту было впору останавливать часы.

После неудачного отступления черного ферзя карповский конь решил реабилитировать себя за свои с братом прегрешения в шестой и тринадцатой партиях. Он принес себя в жертву, с тем чтобы проложить другим белым фигурам дорогу в неприятельский стан.

Черные решили, что лучше остаться без пешки, чем без короля. После этого можно было опускать занавес. Счет стал 5 : 2. Для окончательной победы требовалось последнее усилие.

В шахматах, как и в жизни, кто-то теряет, кто-то находит. Если бы никто не терял, никто бы не находил, если и играют где в такие шахматы, то только под райскими кущами, там будто бы понятие «конфликтная ситуация» вообще исключено из оборота, вот где проходили бы на «бис» (есть хлопки, а звука нет) иные современные пьесы на бытовые ли, на производственные ли темы.

Этот же мир соткан из потерь и находок.

В нашей группе — Лили Платоновна Церодзе, директор Тбилисского, как утверждают зарубежные гроссмейстеры, лучшего в мире Дворца шахмат. Как и многие другие грузинки, моя добрая подруга любит шахматы. И довольно часто обыгрывает мужчин. Когда проигрывает самую легкую партию, восклицает: «Ва, что я наделала!», ее точеное лицо становится пунцовым, она долго не может отойти.

При мне Лили Платоновна потеряла сперва футляр от очков, потом нашла футляр и потеряла очки, потом нашла очки, потеряла зажигалку, ей подарили новую зажигалку, посеяла и ее, не ахала, не охала, не жаловалась, но стоило ей в «блице навывлет» потерять одну только пешку в партии с Акылбеком Муратбековым — об этом в течение ближайшего часа узнали все, кого это могло и не могло интересовать.

Прямая противоположность ей сам Муратбеков, он предпочитает рассказывать окружающим в основном о своих победах. Интересный человек мой киргизский друг.

Теплым осенним вечером заявляется ко мне домой в белом-белом костюме, мы улавливаемся сыграть десять партий, кончаем матч во втором часу ночи, результат оказывается совсем не таким, какой бы счел справедливым и закономерным гость, он уговаривает начать новый мини-матч, мы полюбовно расходимся, хотя правильней было бы сказать «расплываемся» — на дворе потоп. На что становится похож его летний костюм, пусть попробует описать кто-нибудь другой. Я провожаю гостя до такси, а он... он, не обращая внимания на потоп, на лужи, все пробует и пробует убедить меня:

— Если бы я дал шах в девятой партии конем, так? Ты бы куда девался, так? Или в двенадцатой, если бы пожертвовал качество, куда бы ты пошел жаловаться, так? Ничего, поговорим в Мерано, — улыбаясь, но без ласки в голосе говорит мудрейший из мудрейших аксакал.

Некоторые считают, что в Мерано был один только матч — на звание чемпиона мира. Это не так. Были матчи, по накалу своему лишь немного уступавшие тому, что шел на сцене «Сальвар». Матчи между Акылбеком Муратбековым, с одной стороны, и мастером Борисом Шашиным, кандидатами в мастера спорта Юрием Зарубиным, Гагиком Оганесяном и Рапо Какиашвили — с другой. Играли в самолете, в автобусе, в отеле, на платформе для багажа, привлекая внимание и пассажиров и грузчиков на станции Больцано и снисходительно выслушивая их советы, состязаясь не только в чисто шахматном искусстве, но и в остроумии, — что за славная это игра, как снимает усталость, какие радости несет, как жаль тех, кто обеднил свою жизнь, не дав труда познакомиться с ней.

Шахматы помогают узнавать не только людей. Они помогают узнавать страны. И понимать, как достигается в наше время истинное возвышение человека, к кому приходит известность в самом лучшем, самом благородном смысле слова.

Разные есть пути к проявлению сил и талантов, каждый выбирает себе по нраву.

В семьдесят восьмом, во время поездки в Багио, была однодневная остановка в Токио. Нас возили по его улицам и площадям. У знаменитого олимпийского бассейна я невольно унесся

мыслями в памятные дни Игр 1964 года, вспоминал страсти, бушевавшие под его сводами, вспоминал молодых людей, безжалостно бивших рекорды, и вдруг увидел нечто, разом вернувшее из далекого прошлого в действительность: на самой верхушке высоченной и тонкой мачты читаю русские буквы, слегка тронутые временем: «Здесь был Вася Захребов». Как он залез туда, этот беззаветный смельчак, сколько времени, сил и труда понадобилось ему, чтобы выписать несмываемой краской четыре слова — сверху вниз? Но у человека была цель — увековечить имя свое. Увековечил. Когда комплектовалась команда для восхождения на Джомолунгму, у меня было искреннее желание предложить кандидатуру этого Васи, да подумал, что, пожалуй, нелегко будет разыскать его, да и годы прошли, возможно, совсем не тот сегодня наш Вася.

Многого можно не пожалеть, чтобы оставить свой след в истории. Едва ли не пол земного шара объездили зайцами два безвестных до этого англичанина — на поездах, пароходах и даже в самолетах, представили «все необходимые документы» и были утверждены в качестве рекорсменов мира в командном зачете. Чуть не трое суток танцевал твист один розовощекий фермер из штата Дакота, несколько раз менялись оркестранты и судьи, а он танцевал, а когда упал обессиленный, к нему подбежали с цветами, и это тоже был рекорд. Некий шотландец с железной волей и таким же желудком съел за год свой велосипед, до ниппеля, а лондонская школьница, вступив в заочное состязание со школьницей из Бирмингема, побила ее мировой рекорд, прочихав (от двух до двенадцати чихов в минуту), 255 дней.

Все эти высшие достижения человеческого тела и разума взяты из популярной на Западе «Книги рекордов Гиннесса». Попасть в нее — предел мечтаний для многих. Но строги и неподкупны судьи, официально именуемые представителями «Гиннесса» на местах. Знакомясь с этим ежегодным изданием, с удовлетворением думаешь о том, что человечество не стоит на месте, совершенствуется и развивается. Только... кому нужно такое «развитие»?

В памяти поколений дано жить иным проявлениям таланта, тем, которые, как капля воды, отражают смутно предугадывавшиеся ранее возможности человека, раздвигают границы понимания мира и «самого себя».

Способность посмотреть на свою работу «из завтра» всегда отличала людей незаурядных, умеющих ставить перед собой дальнюю цель, идти к ней через многие преграды. Не всегда бывали точны сиюминутные оценки их многолетних трудов. Случалось, что признание опаздывало на десятилетия, а то и на века.

У шахмат как вида творчества — великое преимущество и стимул великий тоже — мгновенная признательность за талантливо сделанное дело.

Счастлив талант, развитый обществом и поставленный на службу людям. Несчастлив талант, поставленный на службу самому себе. Это закон, не знающий исключений. Чемпион и претендент, чьи пути сошлись в меранском конгресс-зале «Сальвар», — антиподы.

Осталось одно последнее усилие. Шестое очко отведет опасность, грозившую справедливейшей из игр, преградит путь на шахматный престол не партнеру, сопернику или противнику — врагу.

Л. Н. Толстой писал: «Как я ни люблю шахматную игру, я должен признать, что в ней есть дурная сторона: выигрывая, мы огорчаем своего партнера».

Меняются времена. Меняются шахматы. И партнеры случаются разные. Не огорчить претендента — значит оказать плохую услугу человечеству.

Нетрудно было представить и в Багио, нетрудно и теперь, во имя чего и против чего обернул бы одно из почетнейших на земле званий Корчной, как замутнился бы шахматный поток, какая хмурица нависла бы над ним.

Впереди еще будут три ничьи — в пятнадцатой, шестнадцатой и семнадцатой партиях:

Карпов не торопится, не форсирует события. Просвещенная публика не без удивления наблюдает за тем, как мертво ставит позиции «на ничью» претендент, даже играя белыми. Не хочет ли внушить превратного представления о том, что будто бы смирился с поражением, притупить бдительность чемпиона, заставить его (как было в Багио) пойти на обострение... и воспользоваться этим?

Всем своим спокойствием, уверенной игрой Карпов убеждает — этого не произойдет.

Близится восемнадцатая партия, которой будет суждено стать последней в матче.

Последняя партия.

Невольно возникает одно воспоминание,

Осенью семьдесят восьмого года, вернувшись из Багио, я уехал из Москвы и около месяца провел в доме, который находился в двух шагах от дома поэта Степана Щипачева. В те дни шел к концу поединок на Филиппинах; Степан Петрович близко к сердцу принимал неудачи, начавшие преследовать Карпова после счета 5 : 2. Даже выход новой книги, сборника избранных стихов, так не радовал его, как обрадовал бы раньше.

Когда счет стал 5 : 5, я услышал от огорченного Степана Петровича:

— Если Карпов проиграет последнюю партию, буду считать себя глубоко несчастным человеком. Буду понимать, что случилась страшная несправедливость, задевшая мое гражданское самолюбие.

Но днем 17 октября, когда должна была игратья тридцать вторая партия, я встретил чем-то обрадованного (так показалось, и я не думаю, что впечатление меня обмануло) Степана Петровича.

— Послушайте, — почему-то застенчиво спросил он. — Вы не верите в сны?

— Признаться, как-то не задумывался над этим.

— Ну да, конечно, — откашлялся он. — А в предчувствия?

— Скорее всего, верю.

— Ну тогда я вам скажу о своем предчувствии. Увидите, сегодня Карпов выиграет.

— Принято считать, что у предчувствий должны быть, не знаю, как точнее сказать, основания, что ли? — произнес я, придав фразе вопросительный оттенок и поощряя собеседника на продолжение разговора.

— Скажу честно, все последние дни много думал о Карпове, переживал, жалел его, жалел Толиного отца, говорят, болен опасно, ну а сегодня... и сон, который я не буду вам пересказывать, и вообще... душевный подъем... не думаю, что меня обманет предчувствие, во всяком случае, я перестану полагаться на него, если сегодня вдруг...

Утром следующего дня, когда стало известно о неминуемом выигрыше Карповым последней, решающей партии, я вышел погулять чуть раньше, надеясь встретить Степана Петровича. На этот раз предчувствие не обмануло меня. Можно было подумать, что седоглавый поэт стряхнул со своих плеч по меньшей мере десяток лет.

Он радовался не только победе Карпова, но и своей сопричастности к ней.

Приближалась восемнадцатая партия.

Много бы отдал претендент, чтобы догадаться, какое начало изберет чемпион.

Кажется, не было гроссмейстера-комментатора, который, в спокойной обстановке проанализировав четырнадцатую партию, не нашел бы точного продолжения за черных на тринадцатом ходу. В шестнадцатой встрече претенденту, по меткому выражению одного из комментаторов, удалось «залатать пробоину», образовавшуюся в этой дебютной схеме.

Утверждают, что на лице претендента отпечаталось удовлетворение, когда восемнадцатая партия потекла по знакомому руслу: «Я уже знаю, как надо играть, и он знает, что я это знаю, идет на ничью, она меня устраивает», — скорее всего, так рассуждал аутсайдер. Ходы делал быстро и уверенно и вдруг нажал на тормоза. Задумался на целых пятьдесят минут. Было над чем. На том же тринадцатом ходу Карпов увел партию далеко в сторону от знакомого русла, послав на два поля вперед крайнюю пешку ферзевого фланга. Невинный с виду выпад, но сколько в нем яда. Одна из важных и интересных заготовок: в нем не только тактический, но и психологический эффект.

Пройдут дни, недели, а может быть, и месяцы, аналитики найдут противоядие — так считают одни, их немного.

Теперь уже открытый вариант испанской партии вычеркнут из репертуара навечно — так считают другие, их много.

А пока черным предстоит черная работа — лихорадочно искать спасения в партии, которая виделась поначалу такой мирной и безоблачной.

Пока раздумывает претендент, вспомним одну историю, популярно иллюстрирующую роль домашних заготовок в жизни шахматиста. Случилась эта история с гроссмейстером Н., отличавшимся редкой шахматной памятью и такой же житейской забывчивостью. Его рассеянность могла бы войти в поговорки. И совсем как Рассеянный с улицы Бассейной, он оплошал на вокзале. Нет, не сел в другой поезд. Разместившись в купе, он вдруг обнаружил, что оставил в машине драгоценнейший из чемоданов — с текстами домашних заготовок. А ехал наш гроссмейстер на крупный международный турнир. До отхода оставались считанные минуты, один из провожавших бросился к машине, стоявшей на привокзальной площади, а наш гроссмейстер... к электровозу. Когда раздался сигнал об отправлении, стал перед ним, раскинув руки и как бы говоря машинисту: «Я вас никуда не пущу, пока мне не принесут мой чемодан». И, лишь увидев друга с чемоданом, обессиленно опустил руки и одними только губами произнес: «Спасибо!»

В партиях на звание чемпиона мира испытывается не только умение мыслить точно и вместе с тем нешаблонно в строго ограниченное время, испытывается аналитическое искусство, которое в конечном счете и сужает границы непознанного в этой древней, но чудесно запрограммированной на далеких потомков игре.

Гроссмейстер Лев Полугаевский:

— Стало очевидным: на сей раз в дебюте произошел нокаут. Карпов получает большой позиционный перевес. Несмотря на ранний размен ферзей, его инициатива не затухает. Он уверенно двигает вперед свои центральные пешки, а ворвавшаяся на седьмую горизонталь белая ладья начинает сокрушительную работу. Чемпион мира не боится принимать ответственных решений и смело идет навстречу возникшим осложнениям.

Со стороны было хорошо видно, с каким удивительным вдохновением и собранностью действует Анатолий Карпов и в то же время как легко и раскованно он играет, словно это не

важнейший поединок за шахматную корону, а обычная турнирная партия. К концу пятого часа нервный накал достигает своего апогея.

Без перерыва работает телетайпная связь Мерано — Москва. Каждый новый ход в Мерано уже через несколько минут «отпечатывается» на доске начальника управления шахмат Спорткомитета СССР гроссмейстера Н. В. Крогиуса. Его кабинет в искусно реставрированном особняке на Гоголевском бульваре становится в эти часы центром «московского притяжения». Впрочем, разве только московского? Еще немного, и черные телефоны на его столе превратятся в красные.

— Здравствуйте, уважаемый Николай Владимирович. Как здоровье, как самочувствие? Поздравляю с защитой докторской диссертации. Это звонит ваш друг из Еревана.

— Спасибо.

— Передайте, пожалуйста, от меня и моей семьи привет вашим близким. Да, кстати, если нетрудно, как дела в Мерано? Здесь у нас не спят, все ждут оттуда вестей.

— Партия отложена, но, скорее всего, Корчной сдастся.

— Если нетрудно, извините сто раз, не могли бы вы продиктовать позицию?

— Я передам трубку моему товарищу, будьте здоровы.

Едва вешается трубка, новый звонок:

— Добрая ночь, уважаемый Николай Владимирович. Как здоровье, как самочувствие? К вам звонят из Грозного.

— Спасибо. Партия отложена. Карпов выигрывает.

— А не может ли случиться что-нибудь такого? Так хотелось бы получить текст партии.

— Скоро передадут по радио.

— А вы... это самое... не могли хотя бы отложенную позицию?

— Сейчас вам ее продиктуют. Будьте здоровы...

До окончания восемнадцатой партии, а с ней и всего матча остается ночь и еще половина дня.

Вечером мне позвонил международный арбитр, ответственный секретарь Федерации шахмат СССР Владимир Яковлевич Дворкович:

— Запишите, если хотите, два последних хода и примите поздравления.

Я благодарю своего товарища, позволявшего звонить к нему на работу или домой в любое время суток, и желаю ему спокойной ночи.

— Кажется, эта ночь будет в полном смысле спокойной. Дело сделано, сейчас я отключу телефон.

Воспроизвожу на доске два принятых хода, возникает позиция... Что же она мне так напоминает?

Дело было давнее, а не забылась позиция и вообще все, что случилось во время той партии.

* * *

На первый курс филологического факультета в середине года был зачислен один лощеный молодой человек. Перевели его к нам из другого города, звали его Жора. На четвертый или пятый день он познакомился с моей подругой, на шестой написал ей записку, на восьмой назначил свидание, а к исходу второй недели изъявил желание сыграть в турнире на первенство университета, показав удостоверение второкатегорника. Тогда, в сороковом году, второкатегорников в стране было чуть меньше, чем сейчас мастеров. Жоре сделали исключение, вписав его фамилию в уже готовую таблицу.

Я питал к нему не больше симпатий, чем он ко мне, еще до турнира он известил, что прибудет этого Буратино одной левой (я был на курсе самым младшим), излишне говорить, что моя цель была прямо противоположной, мы встретились за три тура до конца. Полтора очка

гарантировали мне призовое место... Ту партию я помню и сегодня, просто такая уж это случилась партия.

Играли мы в большой аудитории, зрителей, а тем более зрительниц было не слишком много, но, кажется, одной из них оба партнера готовились посвятить свою победу.

Жора разыграл белыми королевский гамбит, долженствовавший продемонстрировать романтичность его натуры и бесстрашие. Я принял жертву. Дела белых шли поначалу все лучше и лучше (мой партнер принялся насвистывать, при этом ужасно фальшивя, арию тореадора), потом же стали так себе. Желая вернуть инициативу, он сделал опрометчивый ход слоном, потом снова схватил слона, возвратив его на место, даже «поправляю» не сказал. Подумал немного и сделал ход конем. Я недоуменно посмотрел на него, он выдержал взгляд, показывая всем своим видом, что ничего особенного не произошло. Если бы я настоял на ходе слоном, партия кончилась бы довольно быстро.

«Ничего, — подумал я, — выиграем и так, пусть не говорит, что я воспользовался зевком». Но потом я почему-то все меньше стал думать о партии и все больше об этом несчастном партнере. Ходят же такие по свету. Как же надо не уважать себя, чтобы так унизиться. А может, он не считает это унижением? Привык к легкой жизни, всегда все ему удастся — правдами или неправдами, это для него существенного значения не имеет, главное — достичь цели, а как — дело десятое, а может, и двадцатое. Почему я не настоял на ходе слоном? Теперь он смотрит на меня как на партнера робкого, черт бы его побрал, ходят же такие по свету. Надо как можно быстрее прикончить его и больше постараться с ним не играть. Позиция возникла сложная, а думалось почему-то плохо. Я сделал один не очень хороший ход, потом один просто нехороший, партия покатилась под откос, у нас осталось по три пешки, ладье и коню, но одна моя пешка терялась, а его беспрепятственно проходила в ферзи. Тогда мне пришла в голову идея. Я взялся за коня, потом поставил его на место и сделал ход ладьей. Жора многозначительно кашлянул и, подождав судью, сказал:

— Мой партнер в присутствии свидетелей дотронулся до одной фигуры, а сыграл другой, вот пожалуйста, она может подтвердить, — показал глазами на зрительницу, не отходившую от нашего столика.

— Это правда?

Та утвердительно кивнула головой.

Стараясь говорить ровным голосом, я спросил партнера:

— Скажите, а не сделали ли то же самое вы ходов пятнадцать назад?

— Сделал, — тотчас ответил тот, — но вы не потребовали от меня сыграть фигурой, до которой я дотронулся, а я вот требую. Научите его правилам, — высокомерно потребовал Жора от судьи.

— Прошу сделать любой ход конем, — ледяным голосом произнес судья.

— А я не прошу, а настаиваю, — Жора сел за столик, написал на бланке букву К и выжидательно уставился на меня для того, чтобы выяснить, куда я пойду конем.

Я «пошел им» в потолок. Вместе с конем взлетели и все другие фигуры, стоявшие на доске.

А вообще-то, я был обязан благодарить Жору за урок и за литературный образ, который он помог мне создать много лет спустя. Эту сцену я почти целиком описал в романе «Королевская примула». Сам же Жора после третьего курса ушел в поездные контролеры.

Потом он попался на взятке и сел на неудобную скамью, правда, намного позже того срока, который я ему когда-то мысленно уготовил. Просто у пройдох редко все кончается гладко. Моя подруга, ставшая женой Жоры (это имя я изменил), аккуратно носила ему передачи, что только делало ей честь.

* * *

До семьдесят шестого года имя Корчного фигурировало среди звезд советского спорта. За десять лет, предшествовавших побегу, он выиграл двенадцать крупных международных турниров: в Ленинграде, Бевервейке, Мальорке, Сараеве, Гастингсе и других городах. На его счету были победы в претендентских матчах на звание чемпиона мира над С. Решевским, Э. Мекингсом, М. Талем, Т. Петросяном. Четырежды он становился чемпионом страны. И неизменно играл на одной из первых досок команды СССР, побеждавшей на шести всемирных олимпиадах и пяти чемпионатах Европы.

Считается (возможно, не без оснований), что у таланта свой щит от житейских напастей, повышенная чувствительность и ранимость. Многие знали о цели, которую еще в юношеские годы поставил перед собой Корчной, — стать чемпионом мира. Человек, вынашивающий такую мечту, имеет право на некоторую замкнутость. Он и раньше не искал и не имел друзей — к нему тянулись многие, он недвусмысленно отвергал попытки завязать товарищеские отношения. Делил мир на тех, кто может содействовать достижению цели, и на тех, кто мог стать поперек пути. Первых чтил через силу, подчеркивая дистанцию между ними и собой. Вторых третировал в меру немалых своих способностей.

— Вы спрашиваете меня, как пришел Корчной к роковому решению отказаться от Родины? — говорит В. Д. Батурицкий. — Когда я впервые узнал об этом, был удивлен и огорчен. Но после того, как миновал эффект неожиданности, проанализировав свои личные впечатления от встреч и бесед с Корчным, я сделал вывод, что в какой-то мере его поступок, увы, не случайность, что предпосылки были. Корчной давно известен своим эгоцентризмом, несдержанностью, пренебрежительным отношением к коллегам. Переоценивал себя. Вспоминаю, как в семьдесят первом, а может быть, и в семьдесят втором году получил от него письмо; в нем были такие строки: «Вот я испытываю определенные трудности в подготовке к соревнованиям, а ведь вы-то хорошо знаете, что я единственный, кто способен остановить Фишера».

Многие выступления Корчного сопровождались инцидентами. Могу вспомнить, например, его давний полуфинальный матч претендентов с Михаилом Талем, когда впервые проявились навязчивые идеи Корчного. Ему не нравился взгляд врача, приехавшего с Талем из Риги, и он чуть не со скандалом потребовал пересадить его подальше. Или вспомним беспардонные заявления, представителям зарубежной прессы, которые сделал Корчной после проигрыша финального матча претендентов Анатолию Карпову. Сколько было в них желчи, зависти, не случайно ведущие гроссмейстеры страны выступили с отповедью.

Корчной почувствовал себя своим в мире, где в человеке стимулируются отрицательные черты характера — алчность, изворотливость, эгоизм. Так уж устроен этот мир — все, что осуждается у нас, превозносится в западном мире. Разные представления о предназначенности, правах и обязанностях гражданина, обязанностях перед самим собой и обществом (частицу которого он составляет) проявляются и в оценке личности гроссмейстера Корчного.

Это был очень сильный противник. Очень опасный противник.

Был!

* * *

Не так давно в СССР было проведено одно социологическое исследование. Студентов восемнадцати высших учебных заведений попросили назвать наиболее характерные положительные качества, которые, по их мнению, должны быть присущи молодому человеку наших дней. Доктор философских наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола В. Лисовский писал в «Известиях»:

«На первом месте по значимости оказалась гражданственность, на втором — образованность, на третьем — целеустремленность. Высокую оценку студентов получили и

такие качества, как трудолюбие, нравственная чистота, высокая внутренняя и внешняя культура, любознательность, самокритичность, мужество, самостоятельность в суждениях, активная жизненная позиция».

Гражданственность, образованность, целеустремленность — я думаю, что эти три слова полнее всего выражают облик молодого советского шахматиста Анатолия Карпова.

«Истинный человек и сын Отечества есть одно и то же», — писал Радищев. Как сын Отечества Карпов сделал многое для возвеличения его спортивного престижа, он показал всему миру, какие черты характера стимулирует и развивает социалистический строй, как примечает таланты и как их растит. Член Центрального Комитета комсомола, он и словом своим, и примером делает многое для приобщения молодежи к шахматной культуре. Вознесенный шахматами, он отвечает им (а это значит, и бесчисленным их приверженцам и в родной стране, и за ее пределами) так, как обязан отвечать на добро всякий честный человек. Не думаю, что был в истории шахмат другой чемпион, который столько бы сделал для их пропаганды, сколько успел уже сделать Карпов, и который с такой беззаветной смелостью играл бы в крупнейших турнирах. Он поступает благородно, позволяя всем живущим на свете гроссмейстерам — и старым, и тем более молодым — сравнивать свои силы с его чемпионской силой один на один — за доской. Известно хорошо, чем кончаются сравнения. Только в восемьдесят первом году, перед матчем в Мерано, Карпов сыграл в трех крупных международных турнирах более четырех десятков партий и лишь в одной потерпел поражение. Памятный всем нам московский турнир «звезд» чемпион выиграл в истинно чемпионском стиле, как, впрочем, и многие другие «критериумы» после Багио.

Много хороших слов произнес Анатолий Карпов по адресу тех, кто делил с ним заботы, тревоги и радости Багио. Но разве сам он, ненавязчиво и тактично, не помогал им в их шахматном совершенствовании? Разве могли пройти бесследно месяцы каждодневного общения с удивительным этим мастером? Не могли, и жизнь подтвердила это.

Первым «филиппинцем», проходившим самостоятельное испытание, оказался Михаил Таль, выступавший в турнире высшей лиги сорок шестого чемпионата СССР. Результат? Одиннадцать очков из семнадцати, дележ первого места с Виталием Цешковским и звание чемпиона СССР. Вторым выступал Игорь Зайцев — в международном турнире на приз журнала «Наука и жизнь». Результат? Девять с половиной очков из пятнадцати и первый приз. Третьим испытывал свои силы Юрий Балашов — в крупном гроссмейстерском турнире в Мюнхене. Результат? Восемь с половиной очков из тринадцати, дележ первых мест с экс-чемпионом мира Борисом Спасским, Ульфом Андерссоном и Робертом Хюбнером.

Карпов и на расстоянии благодарил за честную работу.

Не верю в лотерейное счастье (поймавший его не стал совершеннее), но только в счастье, добытое трудом «без лишнего счета», напряжением духовных сил, талантом преодоления невзгод, вереницей выстраивающихся на пути человека, который осмелился заявить о себе. Карповское дело — непростое дело: опровергая остротой ума чужие замыслы, одновременно подставляя под критический разбор (соперника, современников и потомков тоже) свои построения, находить в шахматах то, что пока не нашли другие. При этом испытываются под неуволнимое тиканье часов и способность дальнего счета, и комбинационное предвидение, но прежде всего характер! Готовность (и способность!) отстоять в труднейшей борьбе спортивную честь Родины — подтверждение гражданского мужества, активной жизненной позиции.

С ним интересно. Он притягивает к себе людей.

И в Багио и в Мерано на неширокие его плечи давил атмосферный столб, не имеющий привычных измерений. «Карповские сверхнагрузки»... с чем сравнить их? И там и здесь рядом был космонавт Виталий Севастьянов, его близкий товарищ. Вернемся мыслью в Багио, в

трудные дни, когда счет стал 5 : 5, представим, каким эхом отзывалось каждое поражение в Толином сердце, и вспомним слова руководителя делегации В. Д. Батурина:

— Я должен сказать о том положительном влиянии, которое оказал приезд как раз в этот момент Виталия Ивановича Севастьянова. Своим космическим оптимизмом он очень помог Карпову. Это естественно. Человек, который дважды побывал в космосе, который много раз оказывался в сложных ситуациях, он, может быть, лучше других понимал и обстановку, и то, что надо делать. Присутствие его было в этот момент чрезвычайно важным. Человек с удивительным спокойствием и тактом, кто мог бы лучше, точнее, мудрее помочь Карпову собрать все, что было в нем, и бросить в бой?

Один из признаков гражданственности — «отношение к делу, которое не приносит личных выгод, но служит обществу». Слова, взятые в кавычки, принадлежат американскому публицисту, впервые побывавшему в СССР и поразившемуся тому, насколько развита эта «общественная жилка у русских». Долгим было бы перечисление общественных постов чемпиона мира, главного редактора журнала «64», научного сотрудника МГУ: член президиума Шахматной федерации СССР, член Центрального комитета Международной шахматной федерации, член президиума Советского комитета защиты мира, член Советской комиссии по делам ЮНЕСКО. На разных постах служит общению и товариществу людей разных стран и континентов чемпион мира. Миру очень нужны такие люди.

По образованию Анатолий Карпов экономист, его дипломная работа в Ленинградском университете была посвящена проблеме организации свободного времени. Автор — пример того, как важно уметь распоряжаться временем, когда его не хватает (это куда лучше, чем когда его с избытком). Отличительная черта Карпова — способность приобретать способности.

Рассказывает В. Д. Батурина:

— Многолетний опыт показывает, что яркий шахматный талант должен проявиться уже где-то в двенадцать — пятнадцать лет. Не случайно, скажем, Василий Смыслов, Тигран Петросян, Борис Спасский, Михаил Таль выделялись уже в таком раннем возрасте, достигали мастерского и ближе к двадцати годам — гроссмейстерского уровня. Для того чтобы стать таким шахматистом, надо иметь дар от бога, природные задатки, природный талант. Шахматисты, которых я называл, таким даром обладали. Но для того чтобы дойти до уровня современного чемпиона мира, надо иметь еще целый ряд качеств. Среди них я прежде всего называл бы сильный характер. Из всех шахматистов, которых я знаю и с которыми мне приходилось встречаться (а я был знаком с десятью чемпионами мира), я бы выделил двух, которые обладают таким сильным, я бы сказал, редким характером, — Михаил Ботвинник и Анатолий Карпов.

Сильный характер — признак внутренней культуры и широкой образованности, это большая целеустремленность, умение подчинить главной цели все другое, иногда отречься от жизненных благ и удовольствий. Помимо сильной воли и психической устойчивости надо обязательно иметь элемент самокритичности. Мне кажется, что в Карпове счастливо сочетаются эти качества. Когда наблюдаешь за Карповым, когда беседуешь с ним, поражаешься зрелости его суждений, практицизму в хорошем смысле слова, который редко встретишь у молодых талантливых людей в любой области. Интервью Карпова (а это чаще всего экспромт) отличаются четкостью ответов, логикой, остроумием. Вспоминаю пресс-конференцию после окончания предыдущего матча. Во Дворце конгрессов в Багио собралось много журналистов. Один из них спросил:

— Корчной заявил, что в Багио якобы были созданы неравные условия, что власти Филиппинской республики, организаторы матча, арбитры были настроены благожелательно к одному из участников, а именно к вам. Что вы можете по этому поводу сказать?

Карпов, взяв себе на размышление несколько секунд, ответил так:

— В 1974 году я играл финальный матч претендентов с Корчным в Москве. Когда я выиграл этот матч, Корчной заявил, что советские власти, Шахматная федерация СССР, организаторы матча, судьи и т. д. — одним словом, все были настроены слишком благожелательно к Карпову и значительно хуже к нему. Ну хорошо, теперь мы играли с ним на другом конце земли, и здесь я тоже выиграл, но оказывается, что и филиппинские власти, и Филиппинская федерация, организаторы матча, судьи и т. д. тоже настроены лучше ко мне, чем к Корчному. Тогда я хочу задать вопрос: где же можно играть с Корчным, где можно его победить, чтобы избежать подобного обвинения?

— Еще мне кажется уместным, — продолжает нашу беседу В. Д. Батуринский, — подчеркнуть Толину веру в собственные силы и его большой оптимизм. Безусловно, в один ряд с этими качествами надо поставить и редкую способность преодолевать отдельные временные неудачи, о чем наряду с тридцать второй партией матча в Багио свидетельствует, например, четырнадцатая партия, одна из лучших в Мерано, сыгранная после проигрыша тринадцатой партии.

...Шахматы, которые избрал полем своей деятельности Анатолий Карпов, имеют такие «резервы развития», с которыми можно сравнить ультрановую науку — кибернетику (не случайно она так быстро взяла себе в союзницы древнюю игру, хранящую и в наши дни бесчисленное множество тайн). Говорят, что человек, решивший в юные годы посвятить себя кибернетике, должен впитывать в себя знания с особой интенсивностью. Разве не то же самое можно сказать о гроссмейстере?

Разделяю точку зрения изобретателя Г. Альта:

— Из тысячи человек, окончивших среднюю школу, наверное, вся тысяча может стать специалистами. Но только сто из них становятся Мастерами. В принципе Мастером в своей области может стать каждый. Но реально мастером становится один из десяти специалистов, потому что за мастерство надо платить огромным трудом. Специалист интенсивно учится (после школы) пять-шесть лет. Ну десять лет. Мастер обязан напряженно учиться всю жизнь. Специалист работает семь-восемь, пусть даже девять часов в день. Мастер практически все время занят своим делом, думает о деле. А дальше так: из десяти Мастеров один становится Гроссмейстером. И тут уже не все зависит от самого человека. Прежде всего у общества должна появиться потребность в продукции, которую может дать Гроссмейстер. Есть и другие внешние факторы. Нужно, чтобы область деятельности имела резервы развития.

Излишне говорить, как велика потребность общества в продукции, которую дает Гроссмейстер Карпов. Но чтобы эта продукция была со Знаком качества, надо и учиться и работать больше, чем другие. Это и есть отличительная черта чемпиона.

И наконец, о целеустремленности.

В Японии традиционно празднуют День мальчиков. В этот день над домами, в которых растут маленькие мужчины, поднимают на высоких шестах фигурки карпов — символов упорства. Можно гадать, откуда пошла фамилия Карпов... У предков был славный обычай давать имена не только по занятию и наружности, но и по характеру. Не были ли закодированы в этой фамилии удивительные наследственные качества, которые так вознесли ее?

Когда-то молодой У. Теккерей написал: «Бывают черные дни, и человек, который мужественно приемлет удачу, не должен падать духом при неудаче; первое из двух труднее, поверьте».

Карпов не падал духом при неудаче. Пройдя «сквозь огонь и воду», закалился. Предстояло труднейшее из испытаний — медными трубами, говоря иначе — славой.

Ох, непростое это испытание. Не всякому по плечу! Один из наиболее близких и

убедительных тому примеров — история, случившаяся с футболистами ростовского СКА; выиграли Кубок страны, да не выдержали бремени славы, а в наказание (и в назидание другим) оказались отброшенными в нижний дивизион. Или достойный глубочайшего шахматного уважения и такого же человеческого сострадания Роберт Фишер. Завоевал по достоинству шахматную корону, выиграв в Рейкьявике матч у Бориса Спасского, примерил ее и испугался, а вдруг притупится, искривится или переломится хоть один из лучиков, излучаемых ею. Один только раз сыграл после Рейкьявика в Денвере, в тюрьме с заключенными в сеансе (выбрал «партнеров», которым не боялся проиграть), ушел, хлопнув дверью, после чего долго сыпалась шукатурка в доме ФИДЕ.

Слава не замутила карповского честолюбия, не превратила его в свою противоположность — тщеславие, он остался таким же общительным, открытым и жизнерадостным молодым человеком, каким был. Трижды подтвердить звание сильнейшего из всех шахматистов земли, о чем еще можно мечтать? Но и в этих мечтаниях мы видим проявление карповского характера.

На встрече с журналистами «Советского спорта» произошла беседа, хорошо иллюстрирующая жажду борьбы, которая столь славно отличает нового чемпиона от многих его предтеч-прагматиков. Или не провел он свой талант через высшие испытания? Или не заслужил права заняться милой сердцу каждого гроссмейстера аналитической работой, развивая дебютные идеи и не выдавая их до поры до времени, приберегая к матчу 1984 года с неведомым пока, но, несомненно, полным сил претендентом, талант которого «тоже прошел сквозь строй»?

Фрагмент беседы:

— Наиболее дотошные читатели нашей газеты, Анатолий Евгеньевич, подсчитали, что вы были чемпионом мира среди юношей, чемпионом Советского Союза, чемпионом Европы, олимпиад, получили семь «Оскаров» — призов, которыми награждаются шахматисты мира, добившиеся наибольших успехов в течение года. Теперь вы стали уже трехкратным чемпионом мира... Читатели спрашивают: к чему вы будете стремиться теперь?

— Вопрос длинный, а ответить на него могу коротко: в шахматах есть предел спортивным мечтаниям, но нет, к счастью, предела творческому совершенствованию. Вот поэтому, стараясь, конечно, удержать шахматную корону, я буду пытаться все больше и больше совершенствоваться творчески, совершенствоваться в той сфере шахмат, которая позволяет величать их искусством.

— Вы неоднократно декларировали и еще чаще подтверждали, что будете «играющим чемпионом». Некоторые из читателей в весьма деликатной форме спрашивают, не изменилась ли ваша позиция. Не будем скрывать: некоторые из них опасаются, что, устав и вдоволь наигравшись, вы несколько снизите количество выступлений.

— А вот этот вопрос потребует обстоятельного ответа. Я твердо стою на своих позициях.

Первым побудительным мотивом для меня в этом смысле было то, что Роберт Фишер отказался от матча со мной. Попутно хочу заметить, что я был глубоко огорчен его отказом: шахматный мир много потерял от прискорбного решения талантливейшего американского гроссмейстера отказаться от практической игры. Так вот, став чемпионом мира без матча с Фишером, я дал себе слово доказать, что это не подарок судьбы, что я достоин того высокого титула, который был мне присвоен. Вскоре же мне удалось победить в очень сильных турнирах, и в частности в Милане, и тем самым укрепить свой чемпионский престиж. В дальнейшем я побеждал в подавляющем большинстве турниров, хотя чемпион мира вовсе не обязан, как считают некоторые, выигрывать абсолютно все соревнования.

Это первое.

Второе: став чемпионом, я внимательно проанализировал опыт моих предшественников и пришел к твердому убеждению, что некоторые из них допускали одну и ту же принципиальную и роковую ошибку: редко выступали в турнирах, особенно сильных. С одной стороны,

сказывалось, наверное, вполне извинительное желание отдохнуть после долгого матча. С другой — боязнь выступить неудачно и тем самым нанести удар своему чемпионскому престижу. В итоге они теряли свою боевую форму и к очередному поединку приходили порой не подготовленными к яростной борьбе, которую навязывал рвущийся на престол претендент.

Я дал себе зарок эту ошибку не повторять и, как видите, на том стою.

...Итак, Анатолий Карпов называет первой побудительной причиной отказ Фишера.

В Мерано югославский журналист Дмитрий Белица, с которым я встречался не на одном международном турнире, дарит написанную им совместно с Робертом Фишером книгу, которую дословно можно перевести так: «Крупнейшее шахматное событие века»; речь в ней о турнире многолетней давности, проведенном в Югославии и собравшем сильнейших гроссмейстеров. Партии прокомментированы американским гроссмейстером. Книга вышла только-только.

— Дима, ты можешь сказать что-нибудь обнадеживающее о Фишере? И что-нибудь более или менее определенное?

Белица разводит руками: мол, разве кто-нибудь может сказать об этом человеке что-нибудь определенное?

Три года назад, в Багио, симпатичный и деятельный директор-распорядитель Шахматной федерации США Э. Эдмондсон говорил:

— Вернется ли Фишер в шахматы — этого не знает никто. Прежде всего сам Фишер.

О чем говорили в Мерано?

О том, что Фишер, став добровольным затворником, чуть не целыми днями играет с электронным соперником, не теряя эмоций и тем самым не приобретая эмоционального заряда — великого шахматного двигателя. Продолжает изучать русский, и, если ему не доставляют в срок советские издания (известно давно, ухудшаются международные отношения — ухудшается и работа международной почты), устраивает скандалы, правда не столь шумные, как в былые времена. По-прежнему не женат. Внимательно следит за событиями международной шахматной жизни, но комментирует партии для собственного удовлетворения, хорошо запоминая промахи того или иного гроссмейстера (пригодится ли ему это? А может, просто осталась привычка опровергать своим умом чужой ум?). В свое время американский еженедельник «Пипл» писал о Фишере: «Окна в его квартире зашторены, спит он до двенадцати часов дня, по ночам же бодрствует, слушает коротковолновый приемник, читает „Нью-Йорк таймс“ и просматривает обложки случайно попадающихся журналов». Кажется, не многое изменилось с той поры. Давно позади судебные тяжбы с журналистом, который не выплатил ему якобы обещанного гонорара за интервью, с дамой, которую он бесцеремонно вытолкнул из своей квартиры (та взывала к помощи суда за оскорбление), с собственным адвокатом, с телевизионной компанией, которая обвинила Фишера в одностороннем разрыве заключенного в семьдесят втором году контракта. В течение двух-трех лет он мог бы заработать до десяти миллионов долларов, но и от этого отказался тоже.

Тихая жизнь тихо гаснущего таланта. Что впереди? Неужели одни только воспоминания?

Помню Роберта Фишера полным жизненных сил.

Помню, каким стимулом для советских шахматистов было желание отобрать у него шахматную корону. Я продолжал верить в Бориса Спасского. Однажды, придя ко мне в гости, он стал у окна, постучал по стеклу и спросил, не видел ли я фильма «Операция „Святой Януарий“». Что имел в виду Борис Васильевич, я понял, когда он сказал:

— Помнишь, там драгоценности под пуленепробиваемым стеклом? Но даже у самого прочного стекла есть маленькая точка, ее искали и нашли. Ударили молоточком, разбили стекло. Вот и я, как бы сказать, тоже искал ее и теперь, кажется, близок к ней.

Я догадывался, кого имел в виду Спасский. Незадолго до того, зайдя к нему в неурочный час, застал Бориса Васильевича за разбором одной хорошо мне знакомой партии. Это была последняя проигранная Фишеру партия в Рейкьявике.

В апреле 1974 года в Ленинграде был полуфинальный матч претендентов Карпов —

Спасский. Я желал победы Спасскому не потому только, что он мой многолетний товарищ. И хотя к той поре я познакомился, кажется, со всеми опубликованными партиями Карпова и понимал, какие силы сливаются в этом молодом человеке, был глубоко убежден: ему рано, ему опасно встречаться сейчас с Фишером.

Бросив дела, еще недавно казавшиеся неотложными, я поехал в Ленинград на матч. Случайным попутчиком оказался альпинист Вацлав Ружевский. Познакомились. И вот какую историю услышал я неожиданно от него:

— Говорите, что симпатизируете Спасскому и верите в его победу? Я тоже верил... месяц тому назад.

— Что же произошло за этот месяц?

— Я провел его в горах, в альпинистском лагере «Локомотива». Дней за десять до начала матча с Карповым к нам приехал Спасский. Казалось мне, приехал не столько для того, чтобы подготовиться к поединку, сколько для того, чтобы стряхнуть с себя воспоминания о Рейкьявике. У нас были соревнования спасателей. Борис Васильевич попросил, чтобы ему разрешили в них участвовать. Естественно, отказали. Тогда он обратился к начальнику лагеря и сказал, что ему крайне необходимо получить комплекс острых ощущений, одним словом, настоял на том, чтобы его посадили в лодку самой слабой команды. Он изображал из себя спасаемого... Вы знаете, с какой скоростью ведут такую лодку по обледенелым кручам на соревнованиях? Гораздо быстрее, чем при обычной спасательной операции, гонка как-никак. По-моему, Спасский даже расписку дал: мол, в случае чрезвычайного происшествия прошу никого не винить. Прямо сказать, не по душе мне это пришлось... очень рискованный номер, ведь альпинистской подготовки у экс-чемпиона мира по шахматам — никакой. Команде, в которую включили Спасского, конечно, лестно было, постарались они его доставить на финиш живым и целехоньким, хотя, полагаю, осмотрительность отняла у них не один десяток секунд. А Борис Васильевич вышел из лодки какой-то грустный. Из одной вежливости поблагодарил. Чувствовалось, что испытал он далеко не то, на что рассчитывал. Ему нужны были острые, повторяю, очень острые ощущения. Для того чтобы очистить душу. Спрашиваю себя: неужели рядом с ним не было человека, который мог бы дать совет, как это следует сделать лучше? Говорите, был? Значит, шел на поводу экс-чемпиона. Это опасно. Эмоции в таком деле — плохой помощник. И не всегда клин клином надо выбивать. И потом, он привык к горам, на высоте сердце работает на повышенных оборотах, заставляет привыкать к этим оборотам весь организм. Нужен немалый срок для того, чтобы привыкнуть к обычному ритму в низине. А он выехал из лагеря за два дня до начала матча в Ленинграде. Разве так можно? Через неделю-другую, увидите, в его игре наступит спад. Даст о себе знать разновидность кессонной болезни.

Спасский на четырнадцать лет старше Карпова. Как когда-то сказал, два матча с Петросяном продубили его, Борисову, кожу. Но и ему для того, чтобы «забыть Рейкьявик», было необходимо такое сомнительное и сильнодействующее средство, как гонка спасателей. Каким же бременем ляжет на неокрепшую душу Карпова поражение от Фишера, если он «дойдет до него»? Ведь признавался сам — «не мой цикл», говоря иными словами, моя пора пока не пришла. Не стоит торопиться. У меня сорокалетнее почти знакомство с Давидом Бронштейном. Разве кто-нибудь поспорит, если я скажу: до матча с Ботвинником этот Давид был готов сражаться с любым Голиафом, после же матча... Совсем не хочу обидеть глубоко уважаемого гроссмейстера, но убежден, что именно тот матч, проходивший в напряженнейшей борьбе и в конце концов завершившийся вничью 12 : 12 (тогда, в пятьдесят первом, существовало правило: в случае ничьей чемпион сохраняет за собой звание), наложил отпечаток на всю дальнейшую шахматную жизнь Бронштейна: хоть и выиграл блистательно ряд международных турниров, из борьбы за звание чемпиона мира выбыл.

Один ли Спасский плохо чувствовал себя после Рейкьявика?

Брэд Дэррах, лучше других американских журналистов знающий Фишера, написал, что тот «после двухмесячной борьбы со Спасским находился на грани нервного истощения».

А у Толи Карпова такие узкие плечи и такая маленькая грудь.

Очень не хотелось, чтобы он сел в эту раннюю пору своего шахматного восхождения за доску с Фишером. Тем самым Фишером, который обыграл одного выдающегося гроссмейстера со счетом 6 : 0 и другого такого же выдающегося гроссмейстера тоже со счетом 6 : 0, навеки исключив их из числа своих возможных конкурентов.

Однако тогда, в Ленинграде, произошел эпизод, который заставил меня подумать о том, что порой составляю слишком торопливое впечатление о людях.

Шахматный обозреватель Виктор Хенкин, симпатичный мастер с застенчивой улыбкой, всегда казался мне олицетворением скромности. Скромность — понятие само по себе привлекательное, слов нет... Но когда ее слишком много в литературном ли, шахматном ли деле, это уже не очень хорошо. Он может писать о шахматах так, что зачитаешься, заметку ли, небольшую статью. На более крупные формы его не доставало. И думал я по дурацкой своей непросвещенности, что ходил человек по жизни легко, не перегибался, день у него был похож на день, потом месяц на месяц, в конце концов годы на годы.

И вот в Ленинграде подошел он ко мне и попросил:

— Знаешь, пригласили на одну встречу, составь компанию. Боюсь, что я там мало кого узнаю, да и меня, скорее всего, забыли, посидим немного и уйдем. — Виктор застенчиво улыбнулся.

И пошли мы с ним в Ленинградский окружной Дом офицеров. Сказал он мне по дороге, что там встречаются ветераны его армии. Метрах в ста от Дома к Хенкину бросился увешанный орденами полковник.

— Виктор! Ты? — выдохнул ликующе, расцеловал, взял под руку. — Ты знаешь, как обрадуются! Что же ты не приезжал? Сколько раз писали тебе!

— Неудобно как-то было.

В фойе Виктора Хенкина обступили. Поцелуи, цветы, рукопожатия. Посмотрел я на Виктора, и такой комок встал в горле, словами не сказать. И у него глаза влажные. Ему бы залезть в карман за платком, а не дают, все руки жмут, генералы, офицеры, солдаты. Повели Виктора в президиум, в первый ряд посадили. Я услышал от соседа:

— Чего он ордена не надел? Такая встреча, и не надел.

— А много их у него?

— Ха! А вы, выходит, его товарищ и не знаете?

Мне стало стыдно. А потом выступал с докладом председатель совета ветеранов:

— Мы счастливы, что сегодня среди нас находится прославленный разведчик Виктор Хенкин, который не раз образцово выполнял задания особой важности, а о том, сколько ценных сведений он добыл и сколько «языков» доставил, о том не раз и дивизионная и армейская газеты писали. К нам в Ленинград Виктор Хенкин прибыл в качестве корреспондента «Комсомольской правды» на матч Карпов — Спасский. Мы желаем ему написать об этих прекрасных шахматистах так, чтобы у них прибавилось настроение и чтобы один из них обязательно отобрал у Фишера корону чемпиона мира.

Домой мы долго шли молча.

— Виктор, — сказал я наконец, — ты веришь, что я твой товарищ и что плохого совета не дам? Жил ли на свете такой шахматист, которого ты любишь, а потому знаешь лучше других?

— Жил, конечно.

— Может быть, назовешь?

— Филидор, шахматист редкого таланта.

— Есть книга о нем?

— Не встречал.

— Так прими совет. Сядь за книгу о человеке, как бы сказать повежливее, имевшем талант и не всегда находившем в себе силы для его реализации. Достиг ли он всего, на что имел право? Нет. Не чувствуешь в этом драматизма? Да и на себя посмотри со стороны... ведь можешь, можешь, только, как и Филидор, в силы свои не слишком веришь.

— Ты думаешь так? — стеснительно улыбнулся он.

Купите, если достанете, книгу Виктора Хенкина о Франсуа Филидоре.

Так же мало знал я тогда, в семьдесят четвертом, и возможности Карпова. Но он, проиграв первую партию, выиграл потом четыре.

Помню, как в пресс-центре анализировал последнюю из них — одиннадцатую — Михаил Таль. После того как Карпов пожертвовал на двадцать седьмом ходу фигуру, Таль долго и безуспешно старался найти ответ на вопрос: а есть ли после этой жертвы у Спасского, игравшего черными, хоть какие-то надежды? Искал, искал и не нашел. И тогда сказал удовлетворенно:

— Здорово, здорово играет Карпов, матч кончен.

Черные продержались еще восемь ходов и сложили оружие. Карпов выходил в финал соревнования претендентов.

После той победы Семен Фурман, гроссмейстер и тренер Анатолия Карпова, сказал:

— Да, мы с Карповым неоднократно заявляли, что рассматриваем этот цикл как подготовительный. И ничто не изменилось. Вот мы и готовимся. Правда, есть пословица, что аппетит приходит во время еды.

Борис Спасский:

— Победил меня Карпов вполне заслуженно. Мне почему-то хотелось поимпровизировать. Увы, успеха такая игра не принесла. Худшее наступило позднее. Спустя два — два с половиной часа после начала партии перед глазами у меня была сплошная пелена. Лишь усилием воли я заставил себя играть дальше.

Как было не вспомнить рассказ Вацлава Ружевского?

Предстоял матч Карпов — Корчной за право бросить перчатку Фишеру.

До того как он начался, Корчной заявил:

— Скажу так: наш матч с Фишером будет очень интересным.

Эта фраза «наш матч с Фишером», опубликованная в центральной газете, пошла гулять по другим изданиям. Бестактность заявления очевидна, Корчной говорил им, что Карпова соперником не считает. Вполне допускаю: Корчной, выигравший до этого в Одессе матч у экс-чемпиона мира Петросяна, верил в легкую победу.

Правда, в другом интервью Корчной назвал Карпова молодым, исключительно талантливым шахматистом. «Но неровен час, ему может повредить чрезмерная слава».

На вопрос: «Ваше отношение к сопернику по финальному матчу претендентов?» — Анатолий ответил: «Виктор Львович старше, а потому мое отношение к нему зависит от его отношения ко мне».

По мере приближения дня 16 сентября 1974 года отношение Корчного к сопернику все более прояснялось. Корчной привык видеть в каждом партнере личного врага; настраивая себя на победу, он сделал немало для того, чтобы создать определенную атмосферу вокруг матча.

Карпову предстояло главное спортивное и жизненное испытание. На авансцену выходила не в средневековых пышных нарядах, а в современных джинсах «исполнительница и трагедийных и комических ролей» Психология.

Экс-чемпион Англии Леонард Барден писал на страницах «Гардиан»:

«В отборочных соревнованиях шахматистов одинаково высокого класса значение всесторонней и прежде всего психологической подготовки возрастает на каждом последующем этапе в геометрической прогрессии. Тот, кто лучше подготовлен в данный момент, побеждает и демонстрирует большое превосходство».

С этой очень точно сформулированной мыслью перекликалось высказывание обозревателя берлинской газеты «Юнге вельт» Гейнца Махачека:

«Неудача Спасского в матче с Карповым обусловлена тем, что его соперник значительно серьезнее отнесся к подготовке и оказался гораздо лучше оснащенным — теоретически, практически и психологически...»

Не только шахматные, не только спортивные газеты едва ли не всех стран мира публиковали прогнозы относительно результатов финального матча претендентов Карпов — Корчной.

Посмотрите, как точно предугадали югославские гроссмейстеры.

Александр Матанович: «Игра Карпова, на мой взгляд, делает возможным претендентом именно его».

Милан Матулович: «Анатолий Карпов в матче с Борисом Спасским играл просто блестяще, в стиле Капабланки и Фишера. Не удивлюсь, если он в 1975 году окажется противником нынешнего чемпиона мира. Возможности Карпова невообразимы». Запомним, это высказывание относится к семьдесят четвертому году. Как подтвердило время правоту югославского гроссмейстера!

Отдали «свои голоса» Анатолию Карпову и Любомир Любоевич и Драголюб Велимирович.

В те же дни американский гроссмейстер Уолтер Браун, известный своим пристрастием к заключению всевозможных пари, поставил крупную сумму за Корчного.

Московский матч претендентов Карпов — Корчной завершился победой юного гроссмейстера со счетом 3 : 2. Фраза Корчного: «Наш матч с Фишером будет очень интересным» — приобрела ироническое звучание. «Интересного матча» не получилось просто потому, что Корчной до него не дошел.

До чего же, однако, Корчной дошел? Как перенес поражение?

Президиум Шахматной федерации СССР отмечал: «Спортивные и творческие итоги финального матча претендентов получили высокую оценку подавляющего большинства советских и зарубежных обозревателей и специалистов. Поэтому вызывает сожаление интервью, данное по окончании матча югославской печати гроссмейстером В. Корчным, в котором принижаются и умаляются результаты и игра победителя матча... Президиум отмечает, что это уже не первый случай, когда гроссмейстер В. Корчной выступает в печати с непродуманными или саморекламными заявлениями, и осуждает такое неправильное поведение члена сборной команды СССР В. Л. Корчного».

Вспомним, как оценил поражение от Карпова Спасский: «Победил меня Карпов вполне заслуженно».

Вспомним, как оценил поражение от Карпова Корчной (югославская газета «Политика» от 2 декабря 1974 года): «Его шахматный арсенал весьма беден... Не могу сказать, что моего противника ожидает блестящее будущее».

Некоторый срок спустя Корчной прислал в редакцию «64» письмо, в котором выражал сожаление по поводу «запальчивого тона, а также чрезмерного субъективизма некоторых суждений». Перед Карповым при этом не извинился. Я думаю, что именно в те дни начал созревать план Корчного, связанный с бегством на Запад.

...Вспоминаю олимпийский стадион в Монреале, веселое возбуждение на многоцветных и многоязыких трибунах, следящих за состязаниями бегунов. И вдруг словно по команде внимание

ложи прессы переключается на экраны небольших телевизоров. Невелики размерами аппараты, да хитроумны: по бесчисленным каналам идет поток сообщений со всех соревнований. Но для того чтобы не заниматься постоянными переключениями, сидящие рядом три или четыре журналиста объединяются в «пул» — они настраивают телевизоры на разные программы и, чуть скосив глаза, следят за всей Олимпиадой разом. На программах разом исчезают монреальские картинки. И появляется портрет Корчного.

Диктор не успел произнести еще ни слова, но уже можно было догадаться: произошло нечто из ряда вон выходящее, иначе не подали бы так сенсационно этот портрет. Поддержали зрителей в неведении, разжигая любопытство, и лишь потом объявили: «Международный гроссмейстер Виктор Корчной, находившийся в Голландии на международном турнире, заявил о своем нежелании возвратиться в Советский Союз и попросил политического убежища. Корчной убежден, что, снова встретившись с чемпионом мира Карповым (предыдущий — финальный матч претендентов — Корчной проиграл два против трех), победит его и отберет шахматную корону».

...На Западе Корчного называют самоизгнанником. Его встретили с распростертыми объятиями антисоветские союзы, комитеты и общества. Ему было дано встретиться один на один с представителем Советского Союза. Пусть на шахматном, но все же на поле боя. Победить и тем самым... о, как много стояло за «тем самым».

* * *

Карпов был убежден, что матч за корону ему предстоит сыграть с Робертом Фишером. В семьдесят пятом западную прессу обошло высказывание американского чемпиона: — Он Карпов. Он рыба. А я Фишер, что значит рыбак. Кроме того, я родился под знаком Рыбы. Вам это о чем-нибудь говорит? Короче, я сотру этого мальчика в порошок.

Высказывание американца чем-то смахивало на саморекламные громогласные заявления, которые делал прямо на ринге перед боем небезызвестный Мохамед Али.

26 июня 1974 года конгресс ФИДЕ принял решение: матч на звание чемпиона мира играется до десяти побед, ничьи не считаются. Борьба продолжается не более тридцати шести партий, после чего победителем признается ведущий в счете, а при равном счете чемпион сохраняет титул. Матч должен начаться 1 июня 1975 года в одной из стран, исключая страны чемпиона и претендента.

Конгресс выполнил ультиматум Фишера лишь частично. Фишер, верный обещанию, сказал: «Я играть не буду».

«Не буду», несмотря на то, что...

Тогда, в семьдесят пятом, Филиппины предложили провести матч на звание чемпиона мира у себя, предоставив неслыханный приз в пять миллионов долларов. Понимаю, как велико было желание мудрого и деятельного организатора Ф. Кампоманеса вернуть шахматам Фишера, а Фишеру — настоящие, боевые шахматы. Побывав спустя три года на Филиппинах, я узнал, сколько стараний приложили для того, чтобы собрать тот призовой фонд, и государственные деятели, и частные лица.

Но американский чемпион не мог вынести того, что 63 (шестьдесят три!) безоговорочных пункта его требований начали обсуждать, отвергая сперва одно, потом другое, наконец, третье.

В связи с главным условием Фишера: «Матч до десяти выигранных партий, но при счете девять — девять чемпион сохраняет звание, хотя и делит приз на равных» — бельгийская газета «Сите» писала:

«Фишера порой сравнивают с его великим соотечественником Полом Морфи. Но, по крайней мере, в одном отношении они антиподы. Морфи, доказав свое превосходство над современниками, заявил, что не намерен больше ни с кем играть, не давая форы; Фишер же,

наоборот, дал понять, что он не намерен ни с кем играть, не получая форы».

История шахматной дипломатии насчитывает десятки томов и содержит немало курьезных документов. Какими детскими, наивными видятся сегодня претензии бывших чемпионов или бывших претендентов. Фишер заявил как-то, что любит Америку за ее размах, и сам привык все делать с размахом. Его меморандум был примером. Только с большим знаком минус.

Очень не хочется верить, что никогда не встретятся за доской чемпион мира Анатолий Карпов и экс-чемпион мира Роберт Фишер. А вдруг! Можно себе только представить, что это будет для шахмат. Для спорта. Наконец, для сближения молодых людей Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Ведь если честно сказать, устали от отчужденности, презираем тех, кто стоит толстопузой прокладкой между двумя проводами, до смерти боясь слова «контакт».

Когда-то в США решили определить лучшего боксера «всех времен и народов». Изобрели алгоритм, заложили данные о живших в разные десятилетия мастерах кожаной перчатки в электронно-счетные машины и разыграли на телеэкране бои.

Примерно что-то похожее решило сделать английское телеграфное агентство «Рейтер». Оно задалось целью заочно сравнить шахматную силу Фишера и Карпова и для этого обратилось к элементарной арифметике. Оказалось, что на протяжении своей шахматной карьеры Фишер выиграл 327 партий, свел вничью 188 и проиграл 61. В активе Карпова 380 побед; вничью он закончил 410 встреч, а в 51 потерпел поражения.

«Рейтер» приводит высказывание Карпова о том, что он несколько раз неофициально встречался с Фишером, пытаясь убедить его вернуться за шахматный столик и сыграть с ним матч. Но об условиях встречи договориться они не смогли.

Запомним это: шаги навстречу делал Карпов. Фишер искал предлоги уклониться от игры.

Проявление характера одного. И характера другого.

Можем ли мы проследить истоки карповского характера?

Вспоминает мать Анатолия Нина Григорьевна Карпова:

— В школе Толя признавал лишь одну оценку — пятерку, а когда увлекся шахматами, то отдавал им все свое свободное время. В детстве у него было хрупкое здоровье. Зная его упрямую натуру, я боялась только одного, чтобы он не перетруждал себя. Однажды, когда Толя сильно простудился и слег в постель, мне даже пришлось силой отобрать у него шахматную доску, чтобы он немного отдохнул. Тогда он стал смотреть в потолок и играть в шахматы мысленно. С тех пор я больше не препятствовала увлечению сына. А мой муж, Евгений Степанович, наоборот, поощрял это занятие. Именно он научил Толю любить шахматы. Жаль, что он не дожил до этого дня — новой победы сына, в Мерано.

Да, Карпов учился в школе отлично. И все же наступила однажды в его жизни странная пора, когда в дневнике напротив графы «Рисование» стали появляться тройки. Или он разучился рисовать? Или стал невнимателен? Или просто-напросто не обнаружил в нем требовательный педагог способностей в изобразительном творчестве: ведь случается же часто, что природа, сверхщедро наделив человека каким-нибудь одним талантом, привередничает и начинает «экономить» на таланте другом?

Объяснение истории с тройками — тоже очень полезное для любого вступающего в жизнь молодого человека проявление карповского характера. Вот что рассказывал Анатолий Евгеньевич:

— Помню, у нас в школе появился новый учитель рисования. Заметив, что я обыгрываю в шахматы своих одноклассников, он захотел сыграть со мной. Проиграл. Потом еще и еще. С тех пор он ставил мне по рисованию только тройки, а раньше были совсем другие отметки. «Проиграй», — советовали ребята. «Нет!» — отвечал я.

О сколь велик соблазн подлаживания к власть имущему, как хочется иному, не обременяющему себя ни трудом, ни учебой, ни раскрепощенным мышлением молодому человеку найти место под солнцем льстивым словом или поступком. Это презренный соблазн. Убежден, что, если бы Толя начал проигрывать учителю из соображений личной выгоды, чемпион бы из него не вырос!

Однажды в Мерано, в час, когда проходила встреча с Анатолием Карповым, меня пригласили к телефону: друзья из «Комсомольской правды» попросили сделать репортаж «в номер», дав на размышления тридцать минут. Цейтноты бывают не только у шахматистов, сказал я себе, тяжело вздохнул и, взглянув на большие настенные часы, начал обдумывать первый ход. Минуты бежали, ход не приходил. Когда «упал флажок», а говоря иными словами, раздался — минута в минуту — звонок из редакции, я сделал то, на что не имеет права шахматист, попросил дополнительные полчаса. Теперь тяжело вздохнули уже на том конце провода.

И вдруг я вспомнил об одной сувенирной открытке, лежавшей в моем кармане. Я только что получил ее от Анатолия Евгеньевича; на ней были добрые слова, адресованные Григорию Трофимовичу Руденко.

О напутствии старого солдата чемпиону и об ответе чемпиона я и рассказал в репортаже. Необыкновенной судьбой танкиста заинтересовались многие читатели. В редакцию начали приходить письма от однополчан и земляков Григория Трофимовича, просто от любителей шахмат, адресовавших ему теплые слова.

Когда мы встретились с ним в Москве и я передал ему сувенир из Мерано, показалось, что помолодел добрый мой товарищ. Вовсе не ради красного словца и не для того, чтобы нарисовать сентиментальную картину, пишу я «помолодел». Подумал я грешным делом, зря, зря скупимся мы порой на доброе слово, посмотрите, что может оно с человеком сделать.

И был еще один подарок, который ждал Григория Трофимовича. Через час после того, как стало известно о победе Анатолия Карпова в матче, Григорий Трофимович пришел ко мне с бутылкой шампанского:

— Давайте выпьем за Толю и поздравим его.

Мы сели за шахматную доску, посмотрели последнюю меранскую партию от и до, по обычаю сыграли блиц, и лишь после этого с чисто сибирской невозмутимостью сказал Григорий Трофимович:

— А ведь и меня можете поздравить. Посмотрите, что я получил вчера.

Руденко слегка повел плечами и достал из бокового кармана конверт. Я сделал попытку помочь ему достать из конверта письмо, он ответил: «Сейчас, минуту», снова едва заметно повел плечами и протянул мне...

Письмо было на фирменном бланке.

"Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий. Всесоюзный научно-исследовательский институт Государственной патентной экспертизы ВНИИГПЭ. Решение государственной научно-технической экспертизы изобретений... Рассмотрев материалы заявки Г. Т. Руденко с учетом заключения Ленинградского научно-исследовательского института протезирования, отдел... медицины решил признать заявленное техническое решение изобретением и считает возможным выдать авторское свидетельство на «Протез плеча».

И далее: «Протез плеча» отличается тем, что с целью увеличения функциональных возможностей, надежности и удобств при пользовании обеспечено независимое управление механизмом фиксации локтевого шарнира без использования приводных тяг, связанных с управлением кистью; на гильзе плеча установлен выключатель с клавишей в области подмышечной впадины".

А в двух словах, «кистями Руденко» можно брать воздушное пирожное, не оставляя на нем следов. Но главное, главное, им можно быстро передвигать шахматные фигуры, для того-то и

изобреталось!

Я поднимаюсь, подхожу к партнеру, кладу руки на эти так много вынесшие плечи:

— Поздравляю, дорогой друг.

— Не знаете, что это для меня, — влажнеют глаза Руденко, — что за этим... Если удобно... передайте, пожалуйста, спасибо... вашим друзьям из «Комсомольской правды».

А тогда, в Мерано, я, помнится, посетовал на то, что неожиданный звонок из редакции отвлек меня от беседы с чемпионом.

* * *

«Советские люди с огромным вниманием следили за Вашей игрой и с глубоким удовлетворением восприняли сообщение о Вашей победе. Приятно отметить, что в сложном и ответственном поединке Вы проявили высокое творческое мастерство, подлинный советский характер, выдержку и самообладание, еще выше подняли славные традиции отечественной шахматной школы», — писал, отвечая на телеграмму Анатолия Карпова, Леонид Ильич Брежнев.

Эти строки, орден Ленина были наградой за хорошо, очень хорошо сделанное дело.

«...Сегодня большой праздник не только у меня — у всей нашей небольшой, но очень сплоченной и дружной группы, которая целеустремленно трудилась здесь, в Мерано, во имя победы. Мы все — единомышленники, но нас не несколько человек, нас — миллионы. И я расцениваю мое награждение как знак внимания, как знак чести для всех многочисленных любителей шахмат — игры, ставшей в нашей стране поистине народной».

Есть города, которые, приковав вдруг внимание земли, довольно быстро вычеркиваются затем из ее памяти. Два осенних месяца восемьдесят первого года слово «Мерано» чуть не каждый день встречалось на страницах всех газет мира. Но не дано забыть Мерано, как не дано забыть Багио, пока живут на свете, торжествуют и печалются, возносят к вершинам повыше тирольских и сбрасывают в ущелья покруче филиппинских, дают радость уму и пищу эмоциям эти бессмертные шахматы!

Едва был сделан сорок первый ход ладьей в последней, восемнадцатой партии матча, полетели из Мерано во все концы земли строки:

«Карпов ошеломил не только результатом, но и мощной, уверенной игрой своего надменного соперника».

«Уже самое начало матча было удивительным: всего лишь за четыре партии Карпов набрал половину очков, необходимых для победы».

«Ни Карпову, ни советской делегации в Мерано не может быть высказано никаких упреков. С их стороны не было никакой магии, никакого секретного оружия, претендент потерпел полное и безусловное поражение».

Коротко и точно сказал Бент Ларсен: «Пожалуй, за все послевоенное время еще не было матча за мировое шахматное первенство, где чемпион столь явно превосходил претендента».

«Трудно сказать, сможет ли кто-нибудь и через три года составить конкуренцию Анатолию Карпову», — заявил президент ФИДЕ Ф. Олафссон.

* * *

...Подмосковье. Спокойный безоблачный звездный полночный час, за окном неподвижные, будто написанные маслом березы, припорошенные снегом. На дворе зима.

А мы с Виталием Ивановичем Севастьяновым переносимся в теплый осенний вечер, в Мерано и продолжаем разговор, начатый два месяца назад. Маленькая деталь, характеризующая космонавта и шахматного президента. Он обещал приехать в первой половине дня, но, несмотря на субботу, его срочно вызвали сперва по одному неотложному делу, потом по второму, наконец, позвонили из телевидения и рассказали о приезде интересного гостя, не согласился бы

Виталий Иванович взять у него интервью для очередной передачи «Человек, Земля, Вселенная» (вспомним, что уже несколько лет В. И. Севастьянов ведет этот многообразный и познавательный цикл). Освободился Виталий Иванович поздно, но слово сдержал, приехал. Точность — вежливость не только королей, всякого уважающего себя человека.

В Мерано начался разговор на тему, близкую космосу и шахматам, как и вообще любому серьезному делу, — о совместимости, товарищеской взаимопомощи и взаимопонимании.

— Отбор в космонавты строгий, — говорил Виталий Иванович. — Молодой человек, мечтающий связать свою жизнь с полетами в космос, должен отвечать многим требованиям — мыслить точно и быстро, быть смелым, сильным, выносливым... долг перечень качеств, без которых немислима наша профессия. И на одном из первых мест — способность к совместной работе в экстремальных условиях. Непростое дело, не всякому по плечу.

— Не могли бы вы, Виталий Иванович, вспомнить эпизод, когда взаимное понимание и доверие друг к другу особенно помогли вам?

— Это случилось во время нашего полета с Андрияном Николаевым... попали, прямо сказать, в ситуацию сложнейшую. Находились в «глухой зоне», до выхода из нее, когда можно было послать сигнал на Землю, оставалось три с половиной часа, надо было прожить их, не потеряв сознания, не заснув... Мы беседовали, поддерживали друг друга, контролировали каждый себя и товарища. Прошли через эти три с половиной часа, самых трудных в нашей жизни, еще и потому, что рядом был друг. Андриян мне больше чем друг. Знать, что ты можешь положиться на человека как на самого себя, великое дело.

— Я понимаю, слишком рискованны параллели, прежде всего потому, что «ставка не та», и все же не могли бы вы, как председатель Шахматной федерации, вспомнить шахматные аналогии, когда так же открывались в трудную минуту качества, объединяющие единомышленников? Что в этой связи вы могли бы сказать о команде Карпова? Попробуем найти ответ на вопрос, что притягивает к нему людей: ведь, что ни говори, его помощники и в Багио и в Мерано Михаил Таль, Лев Полугаевский, Юрий Балашов собираются еще сами побороться за звание чемпиона мира... Не укрепил ли он потенциальных соперников тем, что открыл перед ними двери в свою лабораторию, поделился секретами, которые иные чемпионы держат за семью замками?

— Карпова считают очень жестким, можно даже сказать, безжалостным соперником за шахматной доской. В жизни же это общительный и душевный человек, интересный собеседник. Если бы он был душевным за доской и жестким в жизни... шахматы безжалостны к добрякам, — улыбнулся Виталий Иванович и не договорил, давая мне возможность додумать эту мысль самому. — Что же касается открытия характера в трудную минуту... Между прочим, не задумывались ли вы над тем, что именно в такую минуту полнее всего проявляется человек — хороший становится лучше, плохой — хуже? Да, были, и вы помните это, очень тяжелые дни в Багио — первая декада октября — и два-три не очень легких дня в Мерано. Карпов был сдержан, в его тоне нельзя, просто невозможно было уловить раздражительные ноты. Он никогда ничем не выдавал плохого настроения, хотя не стеснялся выдавать настроение хорошее. Никогда не подчеркивал свою исключительность, своего, так сказать, главенствующего положения в делегации. Одним словом, не являл тягу к распорядительству.

Тут автор хотел бы позволить себе небольшое отступление. В давние времена на Востоке родилось изречение: «Быть больше, казаться меньше», существовали люди, сделавшие его главным жизненным правилом. Но сколько ходило и ходит по белу свету прохиндеев в искусстве и вокруг искусства, в литературе и вокруг литературы, в спорте и вокруг спорта, переиначивших на свой лад эту мудрость: «Быть меньше, казаться больше». Они бы рады всем сердцем не только казаться, но и быть больше, да не наградила бог талантом и трудолюбием, но видит тот же бог,

как хочется быть на виду, заседать в президиумах, витийствовать на юбилеях, подписывать некрологи. И где только можно, показывать власть. Не сегодня замечено: чем меньше подходит имярек к руководящему креслу, тем больше любит заниматься этим малопочтенным «показыванием». Признак верный, исключений не бывает.

В Риме, по дороге в Мерано, появилась возможность познакомиться с деяниями одного облеченного высокой властью субъекта, жившего, к счастью, достаточно давно (страшно подумать, каких дров мог бы он нарубить в наши дни). Звали его Риарио, был он кардиналом и племянником папы Юлия Второго. Нет, не так, правильнее сказать по-другому: был он племянником и любимчиком папы, потому-то и был возведен в кардиналы, едва ему исполнилось двадцать лет. Разговорчики ходили по Риму, страшно себе представить, как отзывались о юном выдвиженце. Но племянник был себе на уме. Он решил показать, что есть его кардинальская власть. Терпеливо ждал случая. Знал — случай приходит к тому, кто его ждет... Дождался.

Как бы сказали сегодня, Риарио сделали председателем комиссии по приемке одного художественного произведения, выполненного на алтарной стене Сикстинской капеллы. Называлась фреска «Страшный суд» и принадлежала кисти Микеланджело. Художник, отдавший работе долгие годы, с нетерпением ждал мнения руководящего лица. Риарио посмотрел на фреску так, посмотрел эдак, поморщился и сказал примерно следующее:

— Против сюжета и композиции мы не возражаем. Но картина требует одной незначительной переделки. Все персонажи голые. Это оскорбляет взоры верующих и уводит их мысли в ненужном направлении. Поэтому персонажи надо одеть. И тогда я приду и посмотрю на фреску снова. А до того ее демонстрировать не следует.

Утверждают, что Микеланджело пробовал что-то сказать, но слова застряли у него в горле, да к тому же Риарио поспешно удалился. Страшнее суда не мог придумать художник: на картине было изображено несколько десятков страдальцев.

Долго горевал автор. Но потом сказал себе: этот тупица Риарио проживет еще лет пятьдесят-шестьдесят, а мое творение будет жить вечно, поэтому...

Когда кардиналу Риарио доложили, что Микеланджело снова заперся в капелле и «что-то там такое пишет», на лице кардинала появилось нечто, напоминавшее самодовольную улыбку:

— Мы всегда считали синьора Микеланджело человеком, умеющим принимать разумные советы.

Если бы знал кардиналишка, почему заперся в капелле художник и что он там дописывает! Анна Сандретти, живущая в Италии, выпускница философского факультета МГУ, великолепно знающая историю итальянского искусства (одна из ее книг выходит в Москве), говорит:

— Посмотрите на чудовище, изображенное в нижнем левом углу фрески, в гроте.

У страшилища три клыка сверху, три снизу, выпученные глаза, звериный оскал.

— Между прочим, в первом варианте фрески его не было. Оно появилось после того, как свое мнение о картине выразил Риарио. В образе чудовища изображен этот самый кардинал. Микеланджело отомстил ему, осраив на века.

И вспомнил я невольно письмо обиженных художников, опубликованное в наши дни в газете. Молодые мастера кисти, сотворившие жизнерадостное панно на здании ГЭС, жаловались на заместителя директора по административно-хозяйственной части, наотрез отказавшегося принимать работу:

— Они все у вас тут недостаточно очень хорошо одеты. Накиньте на них что-нибудь, тогда я и подпишу акт приема.

«Мы вынуждены были переделать, разве это справедливо?» — слезно жаловались творцы.

Иные времена, иные нравы.

* * *

— Без сомнения, — продолжал Виталий Иванович, — Карпов обладает не по годам развитым искусством создания благоприятного климата в коллективе. Была одна главная цель — не позволить Корчному одержать победу, превратить шахматы в средство борьбы против его страны, его миропонимания, его представлений о справедливости. Могу сказать, что это стремление отличало любого члена советской делегации, все остальное отступало на второй план. Можно вспомнить, как перед началом матча к Корчному обратилась с открытым письмом группа отщепенцев: «Вы наше знамя, вы наша надежда». Скорее всего, не думали авторы этого послания, — улыбается В. И. Севастьянов, — каким эмоциональным зарядом станет оно... для Анатолия Карпова и членов нашей делегации, как заставит до предела мобилизовать силы и бросить их в бой, чтобы не дать восторжествовать такому знамени, сбыться такой надежде. Что же касается второй половины вопроса — о помощниках, которые могут стать со временем конкурентами... Ведь это будет честная конкуренция — не чета той, что была в Багио или Мерано, насколько мне дано судить, Анатолий такой конкуренции не боится. И потом, если они делятся с ним своими знаниями, он не считает себя вправе что-то таить от них. «Я подбирал людей, которые мне симпатичны и которым симпатичен я». Это и определяло взаимоотношения в команде.

— В вашем предисловии к одной из философских работ мне встретилась фраза, которая звучала примерно так: «Кто-то строит мосты через Реку Времени, а кто-то вдоль ее берегов». Тоже была работа как будто, а на самом деле только одна видимость. Боялись контактов, связей, проникновения новых идей, мосты-то строили, а вот перекидывать их на «тот берег» не спешили. Что бы вы могли сказать о шахматах — средстве международного общения — как человек, объездивший мир?

— У шахмат есть одно великое преимущество — их язык интернационален, их законы подчинены величайшей справедливости. Их роль в интеллектуальном развитии человека, их популярность не была никогда так велика, как в наши дни. Мы не допустим преувеличения, если скажем о роли Анатолия Карпова. Шахматы — великолепная форма общения и взаимопонимания. Не много сыщется на шахматной карте мира стран, к которым не вели бы нити от Москвы: познавшие радости шахмат щедро делятся ими. Победы Анатолия Карпова дают хороший импульс дальнейшему развитию шахмат; полагаю, что и Всесоюзная федерация, и федерации на местах найдут новые формы привлечения молодежи, сумеют удовлетворить ее тягу и интерес к игре. Шахматы учат молодого человека соразмерять свои возможности и претензии, возвышают изобретательных, ставят на место заносчивых и, что немаловажно, учат не только побеждать, но и мужественно переносить поражения.

— Быть может, они и олицетворяют мечту поэта, писавшего:

Придут года, придут года,

Когда уму и чести

Везде всегда, везде всегда

Стоять на первом месте.

— Во всяком случае, шахматы к этому поощряют: истинная победа ума — всегда честная победа.

— Теперь, Виталий Иванович, мне хотелось бы задать вам вопрос, связанный с одной проблемой, которая привлекает к себе все большее внимание, и не только людей, связанных с шахматами или со спортом вообще. Что вы думаете как космонавт о биоритмическом прогнозировании человеческих возможностей? Раздаются голоса, что, мол, «эти товарищи» (имеются в виду люди, занимающиеся проблемой) кое-где, кое-когда подгоняют свои выкладки

под уже свершившиеся факты, что сама система подсчета сомнительна и что исследования в этой области было бы разумно прекратить или... прикрыть.

— В возможности этой науки верю безусловно. Она делает быстрые шаги; как у всего нового, у нее есть и горячие сторонники, и отчаянные противники. Но надо помнить, что наука развивается методом проб и ошибок, мы порой излишне боимся отступлений от привычных, хорошо утрямбованных научных дорог. Полагаю, что надо поощрять тех, кто работает в этой перспективной области. Процесс накопления и классификации фактов продолжается, выводы... они не дают оснований не слышать, как стучит в дверь эта проблема.

— Говорят, что талантливая ошибка несет в себе куда больше возможностей развития, чем посредственная правильность. Но порой талантливая ошибка заводит, так сказать, «в никуда».

— Даже те исследования, которые привели к тупику, играют свою (и немаловажную) роль в науке, ибо помогают отсекал неверные пути от верных. Надо терпеливо, а главное, благожелательно рассматривать факты и выводы, предлагаемые сторонниками биоритмического прогнозирования. Быть может, еще не пришла пора говорить категорическое «да», тем более предосудительно произносить категорическое «нет».

— Могу ли я написать, что вы — за всемерное продолжение работ и что верите в их перспективность?

— Я готов подписаться под этим.

* * *

Свою большую и интересную статью в «Литературной газете» В. И. Севастьянов назвал так: «Карпов, каким мы его любим». Не часто рождаются Карповы. Можно сказать без всякого преувеличения — один на четыре миллиарда.

А ведь как хорошо, что есть на свете такая игра.

И у нее такой чемпион!

Между прочим, он был признан не только лучшим шахматистом, но вообще лучшим спортсменом мира 1981 года.

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.